

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ И
МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
БИШКЕКСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. К.КАРАСАЕВА**

ДИССЕРТАЦИОННЫЙ СОВЕТ К.22.05.305

На правах рукописи

УДК 324 (574)

**ДОНОМБАЕВ АЛИМ
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЧЕЛОВЕКА.
(советский и постсоветский опыт Кыргызстана)**

Специальность 23.00.02. – Политические институты, этно-
политическая конфликтология, национальные и
политические процессы и технологии.

**Автореферат диссертации на соискание ученой
степени доктора политических наук**

БИШКЕК – 2006

Наиболее выпукло эти характеристики воплощаются в политической культуре человека.

Актуальность темы диссертации. В современной философской, политологической и социологической науке основательно изучаются: с одной стороны, институциональный подход как специфический метод познания общественных явлений, процессы институционализации и институциональных преобразований политических и социальных систем; с другой – человек в многообразии своих проявлений, типологические характеристики индивидуально-личностного выражения социального и политического поведения и сознания; с третьей – политическая культура как своеобразный феномен общественной жизни, ее историческая эволюция и ориентационные модели. Но, к сожалению, редкими являются исследовательские поиски, в результате которых удастся органично совместить в одной научной работе все три указанные стороны.

В диссертации предпринимается попытка соединить эти стороны в одной институциональной плоскости рассмотрения и раскрыть их интегрально-системные свойства в едином концептуальном пространстве изучения человеческого и государственного, традиционного и инновационного начал в жизни общества.

Следовательно, предмет данного исследования сосредотачивается на раскрытии специфических ориентационно-институциональных характеристик политической культуры человека. *Сама же политическая культура предстает как совокупность образцов «кристаллизации» сознания и поведения человека, проявляющихся в сфере властных систем и структур взаимодействия и взаимозависимости людей.* Исходя из этого, ориентационно-институциональная характеристика политической культуры человека есть определенный синтез формальных и неформальных правил, норм и ценностей, обеспечивающий *установившийся, устоявшийся* образец, тип сознания и поведения личности в системе властных отношений общества. Чем выше степен зрелости политической культуры, тем в большей мере ориентирующие признаки политической культуры наполняются институциональными чертами.

Ориентации входят в систему ценностей. В свою очередь, эти ценности, регулярно воспроизводясь в жизненной практике, трансформируются в систему установившихся норм, т.е. образуют своеобразную институциональную среду. Именно поэтому в исследовании, прежде всего и главным образом, речь идет об *институциональной «модели» политической культуры человека.*

Таким образом, диссертант ставит перед собой задачу раскрыть проблему институционализации политической культуры человека, основываясь на реальном опыте Кыргызстана в советский и постсоветский периоды развития. Суть же проблемы проявляется в том, что в нынешних условиях перехода к рыночной экономике и политической демократии, как в Кыргызстане, так и в других странах СНГ, инновационное содержание преобразующейся жизни отторгается в соответствии с нормами все еще

действующей традиционной политической культуры и воспринимается лишь его видимая оболочка. Иначе говоря, традиционное советское содержание вкладывается в новую постсоветскую демократическую форму. В результате наблюдается удивительный феномен, когда государственные учреждения функционируют по форме, как демократические, а по содержанию, как авторитарные. Институционализация политической культуры разворачивается по инновационной форме, а наполняется традиционным содержанием.

Итак, проблема институционализации политической культуры человека в советский и постсоветский периоды развития Кыргызстана актуальна в связи с исследованием институциональных коллизий следующего порядка:

во-первых, институциональной несовместимостью тоталитарно-авторитарной и либерально-демократической политических культур;

во-вторых, существующим расхождением между государственным и личностным началами в политической культуре человека;

во-третьих, противоречием традиционного и инновационного факторов процесса институционализации политической культуры человека;

в-четвертых, противоположной направленностью «коллективистско-солидаристской» и «индивидуально-эгоистической» тенденций в политической культуре человека;

в-пятых, существенной ролью института «двойного стандарта» в политической культуре советского и постсоветского человека;

в-шестых, «разрывом» преемственных связей между процессами тоталитарной и демократической институционализации политической культуры;

в-седьмых, отсутствием созидательного опыта перехода от имперско-державной к национально-государственной политической культуре человека.

Следовательно, в данном исследовании развijaющаяся *институциональное взаимодействие личности и государства, традиций и новаций рассматривается как политико-культурологическая проблема.*

Связь темы диссертации с научными программами и исследовательскими разработками. После провозглашения независимости и образования суверенной Кыргызской Республики в 1991 г. в академической (НАН КР) и вузовской системе (КНУ, КРСУ, АУЦА(АУК), МУК, БГУ, КГТУ и др.) страны развернулись исследования проблем переходного этапа от советской к постсоветской эпохе. Данная диссертационная работа имеет органичную взаимосвязь со следующими исследовательскими программами и проблемами: - 1) причины и условия распада тоталитарной политической системы и формирование демократической системы в Кыргызской Республике(КР) (Ин-тут философии и права НАН КР; Ин-тут гос.упр. и сои. исс-ний КНУ и др.); - 2) процессы политической институционализации в КР (Ин-тут гос.упр. и сои.исс-ний КНУ, Фак-теты истории и культурологии, права, международных отношений КРСУ и др.); - 3) переход от тоталитарно-авторитарной к либерально-демократической политической идеологии и культуре (Фак-ты международных отношений КНУ и КРСУ, социологии и гос.управления БГУ и др.).

Работа выполнена на кафедре международных отношений

Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б.Н.Ельцина

Официальные оппоненты:- доктор политических наук, профессор Татимов М.Б.
-доктор политических наук, профессор Борбасов С.М.
-доктор философских наук, профессор Эдилова М.М.

Ведущая организация: кафедра социологии и политологии
Ошского государственного университета

Защита диссертации состоится «.....» ноября 2006 г. в..... часов
на заседании Диссертационного совета К.22.05.305 по защите диссертаций на соискание
ученой степени доктора политических наук при Бишкекском гуманитарном
университете имени К.Карасаева по специальности: 23.00.02. – политические
институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы
и технологии (по политическим наукам) по адресу: 720044, г.Бишкек, пр.Мира 27
(главный корпус БГУ им.К.Карасаева), ауд.....

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке БГУ им. К. Карасаева
(г.Бишкек, пр. Мира 27, читальный зал).

Автореферат разослан «.....».....2006г.

Ученый секретарь, кандидат философских наук,
доцент

Омуралиев Н.А.

ВВЕДЕНИЕ

Основная идея исследования. Проблема выживания и развития, со всей остротой вставшая в настоящее время перед суверенным Кыргызстаном, переведенная в более широкую плоскость осмысления, означает по существу не только поиски выхода из социально-экономического кризиса, но и способность нашего народа найти в себе внутренние потенциальные силы для приспособления к окружающему миру, модернизации всех сторон жизни в соответствии с требованиями нынешнего времени и органичного вхождения в современное международное сообщество. Выжить в нынешней экстремальной ситуации, значит полнокровно реформироваться, качественно обновляться и развиваться.

Большинство тех исследователей, которые всерьез занимаются поиском адекватного ответа по данной проблеме, изучая многообразный опыт других стран, проходивших такой же этап в своем историческом развитии, приходят к заключению, что решающую роль в прорыве «блокадного состояния» отсталости и бедности играет, прежде всего и главным образом, во-первых, так называемый «человеческий фактор» Но что именно в «человеческом факторе» создает основу трансформации и модернизации общества? Чаше всего исследователи указывают на роль ценностных ориентаций, ментальных установок и политической культуры. Оказывается, не уровень производительных сил, техники и технологии, сами по себе, и даже не образованность населения, является той предпосылкой, которая обеспечивает прорывы в будущее. Таковой выступает то, что психологи называют «готовностью» идти на радикальные реформы и даже на определенные жертвы во имя осуществления коренных преобразований в обществе.

Во-вторых, не менее значимой в последовательном осуществлении реформаторской линии в обществе является роль государства. Многое, если не все, зависит от той исторической формы государства, которая установилась в жизни данного общества. Государство своей деятельностью направляет развитие общества по определенному руслу. В-третьих, весьма существенной в реформаторских изменениях оказывается та функция исторической преемственности, которая отличает уровень взаимодействия традиционных и инновационных тенденций в жизни людей. Поэтому традиционное и инновационное начала, наряду с государственным и личностным, служат своеобразным барометром определения исторического потенциала, заложенного в темпах развития общества.

Общая характеристика работы. Таким образом, в нынешних условиях, когда Кыргызстан находится на переходной стадии своего развития от одной общественно-политической системы к другой, в демократических преобразованиях нашей страны огромную роль играют ориентационные и институциональные характеристики «человеческого» и «государственного», «традиционного» и «инновационного» факторов.

Цель и задачи диссертации в соответствии с данным обоснованием актуальности рассматриваемой темы заключаются в следующем. Цель состоит в том, чтобы обнаружить существенные черты, присущие процессу институционализации политической культуры человека в советский и постсоветский периоды развития Кыргызстана. Средством достижения данной цели является решение ряда исследовательских задач:

- развернуть методологический анализ институциональных свойств политической культуры человека;

- рассмотреть концептуальное значение способа взаимодействия личностного и государственного, традиционного и инновационного начал в процессе институционализации политической культуры человека;

- обобщить конкретно-исторические предпосылки и условия, приводившие к переходу от институциональной «модели» политической культуры "подданничества" к институциональной «модели» политической культуры "гражданственности" и связанные с данным процессом типологические изменения в личностной и государственной структуре общества;

- выявить содержательные моменты взаимосочетания в политических культурах "подданничества" и "гражданственности" различных эпох компонентов соционормативных культур: "принуждения", "долга", "интереса" и вырастающих на данной основе типологических ориентаций личности и государства;

- объяснить внутренние логические и конкретно-исторические взаимосвязи между соционормативными культурами «принуждения», «долга», «интереса» и морально-психологическими культурами «страха», «стыда», «совести», «винь», «свободы», «законности» («легитимности»);

- преломить теоретико-методологические выводы через призму аналитического рассмотрения конкретного материала, характеризующего политическую культуру советского и постсоветского периодов;

- изучить значимые компоненты институционализации политической культуры советского и постсоветского человека в историческом развитии Кыргызстана;

- раскрыть взаимосвязь «коллективистско-солидаристской» и «индивидуально-эгоистической» ориентаций в политической культуре советского и постсоветского человека;

- показать противоречивую сущность институциональной модернизации политической культуры человека в процессе перехода от тоталитарно-авторитарной, имперско-державной к либерально-демократической, национально-государственной политической системе.

Научная новизна работы. Конкретизация цели и задач в соответствии с проблемным характером и внутренней логикой диссертационного исследования обусловили выдвижение следующих положений в качестве новизны работы:

1. *Впервые* в философской, политологической и социологической науке Кыргызстана осуществлен *институциональный анализ* политической культуры человека в советский и постсоветский периоды.

2. Определены методологические принципы изучения динамического взаимодействия ориентационных и институциональных характеристик политической культуры человека как теоретический базис диссертационной работы.

3. Выявлены концептуальные свойства такого специфического феномена, как *институциональная «модель» политической культуры человека*, выполняющей функцию теоретико-методологического стержня данного исследования.

4. Дается развернутое логико-теоретическое объяснение процессу взаимоотталкивания и взаимопритяжения «деспотизма личности» и «деспотизма государства», как явлений, раскрывающих специфические черты механизма институционализации политической культуры человека.

5. Исходя из непосредственной связи изучаемой проблемы с особенностями становления политических систем, раскрыты логические и исторические основания институциональной взаимосвязи по линии: *политическая культура – соционормативная культура – морально-психологическая культура*.

6. На основе изучения этнополитической культуры традиционного общества рассмотрены закономерности функционирования так называемого *института-организации (институт государства-этнуса)*, обеспечивавшей в течение долгих веков жизнедеятельность кыргызского народа в изменчивой геополитической и геоэкономической среде.

7. Отправляясь от исторических реалий пребывания Кыргызстана с середины XIX в. в составе Российской империи, а затем СССР, проведено разностороннее обоснование той роли евразийско-русской цивилизации, которую она сыграла в ходе формирования институциональной среды традиционной политической культуры кыргызского народа.

8. Подробно разбирается и доказывается тезис, согласно которому именно *власть как институциональная основа* советской политической культуры, стала решающим фактором закрепления тоталитарно-авторитарной системы управления обществом, а также адекватного ей образа мышления и поведения людей.

9. В свете институционального анализа установлено, что политическая культура советского человека обладала «моделесоцидающим потенциалом» в процессе формирования сущностных характеристик социально-исторического способа взаимодействия государства и личности, сложившегося в СССР, и напротив, данный способ взаимодействия государства и личности, доминировавший в общественной жизни, поддерживал воспроизводство важнейших черт советской политической культуры.

10. Путем реконструирования детерминирующих связей между, с одной стороны, советской политической системой, с абсолютно доминирующей

ролью государственного начала над личностным, и с другой, функционирующей в общественной жизни политической культурой «подданничества», соционормативной культурой «принуждения» и морально-психологической культурой «страха», раскрывается тоталитарно-авторитарная природа социалистической институционализации.

11. По конкретно-историческим материалам Киргизской ССР воспроизведена внутренняя логика взаимодействия *тоталитарно-унифицирующей целевой функции и естественно-исторической целевой функции*, характеризующая институциональные коллизии, присущие реалиям социалистического интернационализма в СССР.

12. Разбирая объективную логику развертывающегося в странах СНГ, в том числе и Кыргызстане, процесса «деинституционализации» государственной собственности и ее организационных начал, и синхронно, «реинституционализации» частной собственности, в данной работе подвергается разносторонней аргументации закономерность, в соответствии с которой на постсоветском пространстве возрастает роль фактора «двойного стандарта»; ставшего неотъемлемым компонентом политической культуры человека.

13. Рассмотрение институциональных аспектов противоречивого процесса перехода от имперско-державной к национально-государственной политической культуре обосновывается тезисом, что именно политическая культура «гражданственности», сочетая в своем содержании соционормативную культуру «интереса» и морально-психологическую культуру «законности», позволяет в подлинном смысле осуществить демократическое преобразование человеческого фактора, личностного начала.

14. В рамках концептуального видения роли национального государства утверждается и аргументируется идея, согласно которой институциональная модернизация политической культуры человека достигается на пути приемлемого взаимосочетания государственного и личностного, традиционного и инновационного начал, соединения культур «гражданственности» и «подданничества», формирования «законопослушного гражданина» и «властепослушного подданного».

Практическая значимость исследования. Теоретико-методологическое обоснование принципов исследования институционализации политической культуры человека на советской и постсоветской стадиях исторического развития Кыргызстана, в соответствии с положениями, раскрывающими научную новизну и защищаемые тезисы, позволяет обозначить научное и практическое значение диссертационной работы. В диссертации изложены логические принципы институционального метода познания политической культуры человека на стыках таких исторических времен, как советский и постсоветский периоды. Применение этого метода позволило рассмотреть динамику развития процесса институционализации политической культуры человека в контексте общественной целостности, увидеть взаимосвязь государственного и

личностного начал в процессе формирования типологических черт личности и государства на переходных этапах исторического развития. Данный ракурс исследования выводит диссертационный анализ на философско-политологическую плоскость освещения. Научно-теоретические выводы и обобщения, связанные с фундаментальной ролью института политической культуры человека в жизни общества, содержащиеся в диссертационной работе, служат достаточно надежным подспорьем и хорошим материалом в практике государственного управления «человеческим фактором». Институциональная «модель» политической культуры, доминирующая в сознании и поведении людей, оказывается решающим фактором созидательного обновления или разрушительной застойности общества. Поэтому проблема адекватного изменения параметров функционирующей в общественной жизни политической культуры, в соответствии с требованиями ускоряющегося времени и трансформирующихся условий, становится чрезвычайно актуальной особенно в стране, переживающей в своей истории момент реформирования. Устойчивое и динамичное человеческое развитие, выступающее в качестве одной из базовых составляющих стратегической программы развития Кыргызской Республики, реализуется лишь в процессе формирования института либерально-демократической политической культуры. Становление культуры «гражданственности» создает прочную основу национальной консолидации народа Кыргызстана. Результаты исследования могут служить исходной базой для адекватной и действенной организации научно-идеологических и идейно-политических работ; быть использованными в вузовской практике при разработке и чтении курсов лекций по проблемам истории и теории политологии, государственного управления и международных отношений, а также политической культуры. Диссертация представляет научно-познавательный и политико-практический интерес для философов, политологов, социологов, культурологов, историков, а также специалистам, работающим в сфере государственного управления и международных отношений.

Основные положения, выносимые на защиту: фундаментальным и сквозным положением, которое обосновывается в диссертационной работе на всем аналитическом пространстве исследования, выступает тезис о существенной роли соотношения личности и государства как определяющего фактора формирования и развития институциональных «моделей» политической культуры «подданничества» и «гражданственности»;

- политическая культура человека находится в динамичном состоянии направленных ориентаций, модели (образцы) которых реализованные в преобразующей деятельности индивидуума, свидетельствуют о характере и мере ее институционализации;

- родовое, коллективное сознание питает жизненный консерватизм, и, наоборот, инновация в своей сути рождается в сознании индивидуальном, толкая личность к познанию неизведанного и самовыражению посредством творческого преобразования окружающего мира, что обуславливает взаимосвязь трех моментов: *определенных ориентаций сознания и поведения*

человека – инновационной деятельности индивидуума – институциональной модернизации общества;

- личность в той степени интегрировалась в общественно-политическую систему и активно исполняла свою роль, в коей реализовывалась функция институционализации политической культуры человека, и, напротив, на крутых изломах истории, когда институциональная система общества рассыпается в прах, именно личность способна опереться на инновационную по своей сущности политическую культуру и идти неизведанным еще путем;

- проявляется закономерность, согласно которой сам процесс становления характеристик деятельности институтов в значительной мере определяется ориентацией людей и, напротив, сама ориентация людей в значительной мере определяется процессом устоявшихся характеристик деятельности институтов;

- ориентации входят в систему ценностей, которые, регулярно воспроизводясь в жизненной практике, трансформируются в систему установившихся норм, т.е. образуют своеобразную институциональную среду;

- выполняя ориентационную функцию, т.е. направляя сознание и поведение человека в определенное русло, политическая культура вносит в структуру общественно-политической системы элемент упорядоченности, тем самым способствует институционализации других общественно-политических структур и одновременно подвергается воздействию и изменению, все больше включаясь в организационную структуру политической системы, что определяет процесс институционализации самой политической культуры;

- ориентационные характеристики политической культуры человека входят в качестве системного компонента в институциональный анализ;

- современная реальность такова, что произошла полная смена политических институтов и в жизни совершились достаточно серьезные преобразования, но постсоветское общество в странах СНГ, а также Кыргызстане, порвавшее с тоталитарными институтами социалистической эпохи, все еще продолжает оставаться заложником ее политической культуры;

- осмысленное понимание того, почему политические институты действуют по-разному в разных странах и в различные эпохи, по каким жизненным обстоятельствам они оказываются дееспособными в одних исторических условиях, а в других нет, требует расшифровки конкретной логики содержательной взаимосвязи между авторитарными и демократическими системами, следовательно, исследования той институциональной среды, в которой формируются политические культуры «подданничества» и «гражданственности»;

- человек традиционного общества довольно быстро усваивает внешние формы демократии, но вкладывает в ее содержание сложившиеся в его мире представления о взаимоотношениях между народом и властью, о принципах справедливости, добра и зла, т.е. «переиначивает»,

«переворачивает» демократические принципы под укоренившийся уклад жизни;

- речь не о том, что демократические институты хорошие, а постсоветские люди плохие, а о том, что здесь плоскость измерения иная: скорее, люди пока что одни, а институты пока что другие, т.е. не образовалось единого, «стыкующего» обе стороны, политического пространства;

- реальное становление и развитие демократии, ее политических и управленческих институтов, зависит от политической культуры, если же она не способна поддержать эту систему, шансы последней на успех незначительны;

- двойственный характер политической культуры советского и постсоветского человека, проявляющийся в феномене «двойного стандарта», т.е. расхождении между словом и делом, является значимым источником институциональной коллизии между формальными и неформальными правилами, нормами и ценностями;

- частные интересы выходят на передний край, и вытесняют на периферию человеческого сознания и поведения общественные потребности и цели, что неизбежно ведет к раздваиванию сущности человека: в реальных делах экономический мотив частной наживы и личного обогащения становится стержнем политического сознания и поведения людей, но в публичных речах главенствуют мотивы борьбы за общественные потребности и цели;

- институциональное преобразование политической культуры постсоветского человека возможно путем создания национального государства, исторически вполне успешно решавшего задачу консолидации общества, направляя процесс развития страны по следующим целям: во-первых, разнообразные этнические, социальные и профессиональные группы объединялись в сплоченную гражданскую общность; во-вторых, на основе экономического прогресса преодолевалась классовая дифференциация общества; в-третьих, несмотря на плюралистическую разнородность борющихся между собой групп и интересов достигалось идейно-политическое единство общества по жизненно важным вопросам.

Личный вклад соискателя. Вклад соискателя в исследовании диссертационной проблемы выражается также и в совместных разработках. Научная статья «Критика буржуазных концепций о «восточной специфике» национальных отношений в Средней Азии и Казахстане» (2 п.л.), представленная совместно с М.Я.Сушанло и опубликованная в сборнике «Критика буржуазных фальсификаций современной действительности Советского Кыргызстана» (Фрунзе, 1988 г.), давала анализ советологических концепций. Опровергая оппонентов, диссертант доказывая, что качественные преобразования социально-исторического контекста жизнедеятельности традиционного общества в эпоху социализма неизмеримо расширило рамки мироощущения и миропонимания, обогатило новым содержанием этнополитическую и этико-политическую культуру кыргызского народа, так

же как и других народов Центральной Азии. В коллективном монографическом исследовании «Опыт Европы – Кыргызстану. Книга для создающих государство» (7 п.л.) (в соавторстве – Гарин А.Б., Кубаев Б.Х., Омаров М.Н.) (Бишкек: Полиглот, 1997) диссертант участвовал в подготовке и написании нескольких глав, рассматривающих европейский опыт созидания рационального государства через призму культурно-цивилизационных и ментально-психологических реалий Кыргызстана.

Исследуя особенности исторического становления национальной государственности в Кыргызстане, диссертант раскрыл важные закономерности и тенденции институциональных и поведенческих коллизий современного общества, переживающего давление со стороны глобализационных потоков. (См.: Современный Кыргызстан на пути становления национальной государственности. // Сб. Материалы международной научно-практической конференции: Правовые и экономические проблемы государства в переходный период. – Бишкек: ИППКК КНУ. – 2003.- 1 п.л (в соавторстве – Момунов Н.Т.). Вместе с А.Наскеевой соискатель опубликовал статью «Политическая культура и модернизационный процесс в государствах Центральной Азии» (0,8 п.л.) («Центральная Азия и Кавказ». Журнал социально-политических исследований. (Швеция), 1(31) 2004 г.), в которой дал развернутый анализ центрально-азиатских реалий через призму политических культур «подданничества» и «гражданственности». В статье «Центральная Азия: национальное государство и политическая культура (институциональные изменения) рассматриваются системные преобразования, связанные с институциональной модернизацией политических систем постсоветских государств. (См.: Ex Oriente Lux. Сб. научных трудов факультета международных отношений КРСУ. III. – Бишкек. – 2005.- 1 п.л.(в соавторстве – Дононбаева Г.).

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертационной работы нашли свое отражение в выступлениях, лекциях, интервью, публикациях в широкой прессе и научных изданиях. В течение 1996-2006 гг. были прочитаны спецкурсы по политической культуре студентам факультета международных отношений КНУ и КРСУ, а также осуществлялось руководство дипломными и диссертационными работами выпускников и аспирантов по проблемам политической культуры. Материалы диссертации послужили основой при составлении программы курсов лекций по теории и истории международных отношений, прочитанных слушателям Дипломатической академии Министерства иностранных дел Кыргызской Республики в 2001-2003 гг. Результаты изысканий по диссертационной теме докладывались на многочисленных международных, республиканских научных теоретических и практических конференциях, симпозиумах и семинарах: Москва (1979, 1980, 1991); Бишкек (1970-1999); Чолпон-Ата (1991), Душанбе (1983), Махачкала (1991), Алматы (1999), Нью-Дели (1998) и т.д. Кроме этого, материалы исследования озвучивались автором в выступлениях в Пакистане (1993), Китае (1993), Турции (1994), Японии

(1997), Германии (1997), Индии (1999) и т.д. Отдельные идеи диссертационной работы автор использовал в процессе участия в подготовке программы Национальной стратегии по устойчивому человеческому развитию Кыргызской Республики. Диссертационная работа прошла апробацию на кафедре международных отношений КРСУ, сотрудниками которой были скрупулезно и критически проанализированы и даны рекомендации по всем основным положениям исследования. По теме диссертации автором опубликовано свыше 30 научных работ. Содержание диссертации отражено в научных монографиях: «Опыт Европы Кыргызстану. Книга для создающих государство» (в соавторстве), (Бишкек: 1997) – объем 7 п.л.; «Кыргызстан. Политическая культура. Человек и государство». (Бишкек: 2002) – 29,75 п.л. Кроме того, отдельные положения и тезисы по содержанию диссертации в развернутом и неразвернутом виде воплотились в 40 с лишним научных статьях. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на расширенном заседании кафедр международных отношений и политологии (с участием членов других кафедр факультета международных отношений) Кыргызско-Российского Славянского университета 3 мая 2006 года. Она обсуждалась 9 июня 2006 г. на расширенном заседании кафедры политико-правовых дисциплин Бишкекского Гуманитарного ун-та и была рекомендована к защите.

Публикация результатов диссертации. Материалы диссертационного исследования были опубликованы в: 2 монографиях, 15 статьях в научных журналах, 5 статьях в научных сборниках, 8 докладах на научных конференциях.

Структура работы. Содержание диссертации в соответствии с логикой изложения материала раскрыто: во введении, 4 главах, заключения и выводах по главам. В конце диссертации приводится список использованной литературы. Полный объем работы 269 с. Число наименований источников – 215.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обосновывается выбор темы исследования, актуальность связанной с ней проблемы. Кратко излагается связь диссертационной темы с крупными научными программами и исследовательскими работами, проводимыми в республике. Определяются цель, задачи, предмет, научная новизна, практическая значимость исследования. Рассматриваются основные защищаемые положения, участие автора и соавторов в совместных изысканиях, данные которых отразились в тексте диссертации, а также формы и степень апробации работы и публикации результатов.

Глава 1 «ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЧЕЛОВЕКА» посвящена научно-методологическим основаниям рассматриваемой проблемы, раскрытию ее

логических и исторических механизмов и особенностей. Дается обзор литературы по теме, анализируется степень разработанности проблемы в предшествующий период, доказываемся теоретико-методологическая обоснованность направления исследования, концептуальных подходов и решаемых вопросов. В развернутом варианте излагается авторская версия институционального анализа, а также раскрываются «парадигмальные» характеристики процесса институционализации политической культуры человека.

В первом разделе «Методология исследования политической культуры человека: институциональный анализ» выявляется специфика теоретико-концептуальных параметров институционального анализа политической культуры человека. Речь, прежде всего, идет о четком определении понятий «институциональный анализ», «политический институт», «институционализация политической культуры человека». В диссертационной работе политическая культура трактуется с широких системных позиций. Этот уровень как раз-то рассматривает *ориентационно-институционализированный*, объемно-системный аспект человеческого сознания и поведения. Ориентационный и институциональный анализ объединяются в одну «связку» посредством включения *деятельностного подхода*.

С ориентационной точки зрения политическая культура предстает как *внеинституциональное образование*, включающее в свое содержание традиции, ценности и установки практического поведения человека. Но оказывается, без привлечения политической культуры невозможно объяснить, почему одни и те же институты по-иному работают в разных странах, новации прививаются у одних народов легче, у других труднее. Поскольку человек выступает не в качестве автоматического реагирующего механизма, а существа, активно осваивающего общественные нормы и осмысленно интерпретирующего навязываемые ему извне роли, постольку его политическая культура в процессе *деятельного преобразования* окружающей действительности, становится фактором институционализации и превращается в органичное звено формирующейся институциональной системы. Иначе говоря, ориентационные характеристики выступают в качестве необходимого компонента в институциональном анализе. *В данном контексте институциональный анализ предстает как применение деятельностного подхода в изучении процессов институционализации политической культуры человека.*

Необходимо подчеркнуть, что до сих пор основное внимание исследователей приковано к изучению феномена «*политической культуры общества*», а не «*политической культуры человека*». Само собой предполагается возможность раскрытия социальных качеств человека путем политико-культурологического измерения общества. Однако, общеизвестно, человеческие черты не являются механическим воспроизведением характеристик общества. Связь между ними не прямолинейная, а опосредованная. Многообразные «*внешние воздействия*» общества

преломляются через «*внутренние условия*» человеческой личности. Представители *неоинституциональной социологии и политологии* предприняли серьезную попытку преодолеть прежние недостатки и синтезировать структурно-функциональный и культурно-психологический подходы. Основные идеи и концепции неоинституциональной социологии и политологии развивались в трудах Липсета, Ландберга, Мура, Миллса, а также Бендикса, Блау, Дюверже, Гидденса, Норта, Полсби, Хантингтона и других¹.

В диссертации обосновывается тезис, что массовое сознание и поведение является наиболее инерционной сферой жизнедеятельности социума. В то же время, как показывает исторический опыт, в индивидуально-личностном сознании и поведении находят отражение как традиционная, так и инновационная тенденции общественного развития. В переломные периоды истории инновационная тенденция оттесняет на «задворки» индивидуального сознания и поведения традиционную тенденцию. Политическая культура общества развивается по линии преемственности и трансляции прежних связей, а политическая культура человека предпочитает двигаться по линии изменения и обновления связей.

Следовательно, в переходную эпоху, подобно той, что переживает ныне Кыргызстан, политическая культура человека, а не общества является источником преобразующей институциональной модернизации. Институциональная проблема современного Кыргызстана, так же как и других стран СНГ, заключается в том, кто является носителем энергии преобразования, иначе говоря, чьими усилиями изменяется социальное и политическое пространство общественной жизни? Решающую роль в процессе институционализации играет совокупный социальный субъект, т.е. конкретные живые люди в обществе, которые в самой жизненной практике воздействуют и преобразуют политические и иные структуры.

В работе обосновывается необходимость рассмотрения феномена «*политической культуры человека*» как специфического предмета познания. Несмотря на большое внимание, уделяемое учеными изучению в целом политической культуры в различных ее проявлениях, указанный ракурс проблемы не стал еще предметом обобщающих исследований. И в настоящее время данный аспект остается все еще вне пределов серьезного изучения и осмысления.

Политическим институтом следует назвать любое устойчиво закрепившееся, активно проявляющее себя, организующее свою

¹ См. напр.: Huntington S. Political Development and Political Decay. // World Politics. – 1965. – Vol. 17; North D.C. Epilogue: Economic Performance through Time. // Empirical Studies in Institutional Change. – Cambridge: Cambridge Univ. Press. – 1966; Zucker L. The Role of Institutionalization in Cultural Persistence. – (Powell W. DiMaggio P. (eds.) The New Institutionalism in Organizational Analysis. – Chicago: 1991; Polsby N.W. The Institutionalization of the U.S. House of Representatives. // American Political Science Review. – 1968. – Vol. 62; Фуко М. Наказывать и наказываться. Рождение тюрьмы. – М.: 1999; Гидденс Э. Устройство общества: очерк теории структуризации. – М.: Академический проект, 2003.

деятельность в соответствии с определенными нормативными правилами учреждения, процесс или явление, обладающих общественно значимыми функциями и выполняющих существенно важные роли в разветвленной и многоуровневой системе *властных отношений (отношений властвования)*. *Институционализация* - это превращение какого-либо политического явления или движения в организованное учреждение, формализованный, упорядоченный процесс с определенной структурой отношений, иерархией власти различных уровней и другими признаками

Диссертант выдвигает положение о том, что «человеческий фактор» превращается в органическую составляющую той или иной институциональной среды. И наоборот, человеческая среда, конечно же, оказывает мощное влияние на деятельность институционального фактора. На этом уровне как раз-то происходит процесс институционализации политической культуры человека. Политическая культура превращается в упорядочивающую, организующую структурную единицу общественной системы. В соответствии с функциями, возлагаемыми данной системой на политическую культуру, она с тем или иным успехом выполняет ориентирующую и институционализирующую роль. Выполняя ориентационную функцию, т.е. направляя сознание и поведение человека в определенное русло, политическая культура вносит в структуру общественно-политической системы элемент организованности и упорядоченности. Иначе говоря, беря на себя ориентирующую роль, политическая культура способствует институционализации других общественно-политических структур. И вместе с тем она сама подвергается воздействию и изменению, все больше включаясь в организационную структуру политической системы. Данное воздействие и изменение представляет собой не что иное, как процесс институционализации самой политической культуры.

В этом процессе политическая культура берет на себя не только ориентационную, но и институциональную роль. Она становится фактором институционализации функционирующей системы и ее действующих органов. Совокупность ценностей, которая является неформализованным основанием политической культуры, в процессе институционализации отчасти трансформируется в систему формализованных норм. Таким образом, политическая культура, превращаясь в органичную часть общественной системы, также сама институционализируется. Следовательно, формулируемая здесь задача заключается в том, чтобы раскрыть внутренний механизм взаимосвязи между ролью, выполняемой политической культурой человека в процессе институционализации других структур, а также ролью этих структур в институционализации самой политической культуры человека. В данном контексте политическая культура как институт выполняет определенные функции и соответствующие роли в сохранении устойчивости социального порядка и системы властных отношений.

Но концептуальное осмысление данного феномена оказалось делом чрезвычайно сложным. Поэтому во второй половине XX в., когда стал очевиден кризис, переживаемый **позитивистским подходом**, усилилось стремление глубже разработать теоретические и методологические основания концепции «политической культуры». Понятие "политической культуры" было очень привлекательным в силу многозначности его измерений. Так, с одной стороны, оно представляется результатом личного опыта человека. С другой, - в нем отражается история политической системы, которая уходит корнями в общественные события.

В 90-е годы XX в. под влиянием методологических и теоретических идей западных авторов ученые стран СНГ также стали признавать, что основные концептуальные принципы и положения, выводящие в область более глубинного осмысления природы политической культуры человека, разработаны в трудах Г.Алмонда, С.Вербы, Л.Пая, Р.Фейгена, Р.Такера, С.Липсета, Е.Шейха и других исследователей. Англо-американская, литература по проблемам политической культуры весьма обширна и многопланова. Вместе с тем в этой же литературе есть немало основательных исследований, анализирующих с теоретических и методологических позиций проблему политической культуры во взаимосвязи с личностными характеристиками¹. На рубеже XX-XXI вв. в процесс разработки общетеоретических и методологических проблем подключились такие российские обществоведы, как Баталов Э., Барский К., Бирюков Н., Гаджиев К., Гельман В, Гудименко Д., Елизарова О., Каменская Г., Пивоваров Ю, Пугачев В., Рукавишников В., Сергеев В., Фарушкин М., Шатилов А., Щегорцев В. и другие².

Стержневая посылка диссертационной работы выражается в положении, согласно которому экономическая и политическая система вырастает из общественных институтов, а общественные институты из

¹ См. напр.: Almond G., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton-N.Y.: Princeton University Press, 1963; Political Culture and Political Development. - (Pye L., Verba S. (eds.)) - Princeton: 1965; Pye L.W. Culture and Political Science: Problems in the Evolution of the Concept of Political Culture. // Social Science Quarterly. - LIII. -1972; The Idea of Culture in the Social Sciences. Cambridge: Cambridge Univ. Press. - 1973; Patrick G. The Concept «Political Culture». - Pittsburgh : 1976; Pye L. Culture and political science. Problems in the evolution of the concept of political culture. // Social science quarterly. -1972. - Vol. 53.-N 2; The Civic Culture Revisited: an analytic study. - / G.A.Almond, S.Verba (eds.)- Boston: little, Brown. - 1980;

² См.: Баталов Э.Я. Советская политическая культура. // Общественные науки и современность, 1994, № 6; Гудименко Д.В. Политическая культура России: преемственность эпох. // Политические исследования, 1994, № 2; Барский К.М. Компромисс в политической культуре Китая: противоборство и сотрудничество неформальных группировок в руководстве. // Восток, 1996, № 3; Бирюков Н.И., Сергеев В.М. Парламентская деятельность и политическая культура. // Общественные науки и современность, 1995, № 1; их же: Между дуализмом и соборностью. Интеграционная функция политической культуры. // Общественные науки и современность. 1998, № 4; Каменская Г. Политическая культура США. // Мировая экономика и международные отношения, 1993, № 5; Рукавишников В., Холман Л., Эстер П. Политическая культура и социальные изменения. - М.: 2000; Елизарова О. Образы государства и нации в политической культуре современной России. // Pro et Contra. Том 7. № 3. - Лето 2002; Баталов Э. Политическая культура России сквозь призму civic culture. // Pro et Contra. Том 7. - № 3. Лето 2002; Седых Н. Парадигмальная архитектура российской политической культуры. // Власть. 2003.-№ 9.

политической культуры, а не наоборот. Наряду с этим, причинно-следственные связи между элементами данной триады не являются жестко и односторонне детерминированными. Напротив, каждый из элементов является относительно самостоятельным и находится в состоянии независимой эволюции в отношении других. Более того, каждый из них оказывает глубокое влияние на другие. Бесспорно, в данном взаимодействии первичную роль играет политическая культура. Однако, процесс общественного развития представляет собой сложную динамичную систему взаимодействия между экономикой и политической структурой, общественными институтами, политической культурой. В таком тесном взаимодействии и переплетении и совершается процесс институционализации политической культуры человека.

Во втором разделе «Политическая культура человека как институциональное единство личного и государственного, традиционного и инновационного начал» раскрываются важнейшие моменты институционального анализа указанных факторов, определяются конкретно-исторические механизмы их взаимосвязи.

Институциональный анализ политической культуры обнаруживает свою познавательную ценность в процессе раскрытия конкретно-исторической динамики взаимодействия государственного и личного, традиционного и инновационного начал.

Личность в той степени интегрировалась в общественно-политическую систему и активно исполнила свою роль, в коей реализовывалась функция институционализации политической культуры человека. И, наоборот, на крутых изломах истории, когда институциональная система общества рассыпается в прах, именно личность способна опереться на инновационную по своей сущности политическую культуру и идти неизведанным еще путем. Как показывает современный исторический опыт, глубокое понимание людьми целей и задач общественных преобразований и способность осуществить их на практике обеспечивается выработкой в духовном строе народа соответствующей политической культуры. «Материализующее» же влияние политической культуры как общественного института обеспечивается в значительной степени в результате достижения единства личного и государственного, традиционного и инновационного факторов.

Разумеется, и другие жизненные факторы здесь играют свою роль. Однако, как мне представляется, *наибольшим практически-познавательным значением в исследовании проблемы институционализации политической культуры человека обладают факторы единства личного и государственного, традиционного и инновационного начал.* Чтобы выявить институциональное единство личности и государства необходимо более основательно рассмотреть, во-первых, мотивационную сферу жизни человека; во-вторых, историческую доминанту становления данного государства в определенный период времени и места; и в-третьих, фактор, обеспечивающий их единство. А это, в

свою очередь, обязательно выведет нас на анализ политических, ценностных, ментальных ориентаций и предпочтений человека, а также характеристик социально-экономического бытия, приведших к установлению определенного типа государственности, в конечном счете, аккумулирующихся в своих сущностных чертах в политической культуре общества.

Когда система уже сложилась и установилась, она создает правила для поведения людей. Когда же система еще не укрепилась, правила для нее создает поведение людей. Когда система цела, развитие идет по ее правилам. Когда же она пала, развитие зависит от людей. *Родовое, коллективное сознание питает жизненный консерватизм. И, наоборот, инновация в своей сути рождается в сознании индивидуальном, толкая личность к познанию неизведанного и самовыражению посредством творческого преобразования окружающего мира.*

Важная особенность политической культуры состоит в том, что она обладает механизмами поддержания в личной структуре общества моментов наследования и трансляции традиционных способов восприятия и отношения к окружающему миру. Анализируя данный момент, ряд исследователей отмечает возможность институциональной модернизации социальных и политических структур лишь тогда, когда субъект, т.е. народ в своей основной массе дистанцируется от привычно устоявшихся правил, чтобы поставить их под вопрос или принять стратегию их трансформации.

Выделяются два типа инновационных механизмов. Во-первых, это активная позиция элитных групп, роль которых в процессе институционализации уподобляется функции архитекторов, инженеров и менеджеров в строительстве. И действительно, воспроизводство или преобразование политических структур, а также характер таких институциональных процессов зависят в огромной степени от активных усилий индивидов и групп, причисляемых к «политической элите», «политическому классу», т.е. высших должностных лиц аппарата, лидеров партий, депутатов законодательных органов, экспертов-политологов и т.д., которые функционально призваны обслуживать деятельность государственных органов. Во-вторых, разумеется, таким радикальным механизмом оказывается размах и глубина социальных, политических движений, неизбежно меняющих всю институциональную основу общественной жизни.

Воздействие массы рядовых граждан на институциональные преобразования в сфере политической власти в значительной степени носит весьма сложный и опосредованный характер. Исторический опыт говорит нам о двух путях выхода из складывающейся кризисной ситуации при переходе от традиционного к современному обществу.

Первый путь наиболее зримо проявил себя на примере развития стран Европы. Здесь впервые созревают зерна *политической культуры «гражданственности» («гражданской культуры»)*. Гражданская культура позволяет человеку вырабатывать чувство собственного достоинства в связи

с тем, что он реально становится действительным источником власти и, наравне с избранными им персонами, выступает в качестве «законопослушного гражданина». И самым болезненным, тяжким оказался второй путь, пройденный Российской империей и Советским Союзом. Трагическим образом в их истории доминирующую роль играла такая *политическая культура, которая пропитывала общественную жизнь, сознание и поведение людей духом подданничества*. «Подданническая» культура прививает такие привычки сознания и поведения, при которых, даже участвуя в демократической процедуре выборов своих руководителей, человек все равно не ощущает себя в качестве источника власти, отдает ее без остатка избранным им персонам, остается в роли «властепослушного подданного».

Во 2 главе «ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СРЕДА ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ТРАДИЦИОННОГО ЧЕЛОВЕКА» осуществляется анализ тех структурных компонентов институциональной среды, которые существенным образом повлияли на характер и особенности традиционной политической культуры, превратились в своеобразный генетико-исторический фон, на котором развертывается деятельность современного государства и человека. Речь идет об институционально обусловленной взаимосвязи традиционного и инновационного факторов в процессе модернизации политической культуры человека.

Соответственно, первый раздел «Этнополитическая культура как институт-организация» рассматривает историческую роль этнического и государственного факторов в жизнедеятельности традиционного кыргызского общества и человека. Здесь методологически целесообразным оказывается выявление концептуальных характеристик феномена институт-организация. В определении понятия «институт-организация» синтезируется ряд аспектов. Во-первых, это функциональные органы управления и регулирования: а) обеспечивающие контроль за соблюдением установленных норм; б) формулирующие общественные потребности и цели; в) организующие процесс их реализации. Во-вторых, установленные государственными учреждениями нормативно-ценностные системы, получившими признание в обществе. В-третьих, это образцы, модели, эталоны социально-политического сознания и поведения людей. В-четвертых, это формы организации социально-политических связей и отношений людей.

Не только в период военных конфликтов, но и во времена мирных взаимоотношений кыргызское патриархально-феодалное общество стремилось не впасть в крайности как «деспотизма авторитарной личности», так и «деспотизма всеподавляющего государства». Общество обладало способностью регулировать свои взаимоотношения таким образом, чтобы не допустить чрезмерного наращивания власти «общего государства» или «отдельной личности». Поэтому феномен «кочевой демократии» рождал из

своих недр не только феодальную культуру «подданничества», но в определенной мере и культуру патриархальной «гражданственности».

Разумеется, это было связано с тем, что политические институты кочевого феодального государства все еще несли в своем облике глубокие следы патриархального бытия. Этнополитическая культура «патриархально-феодалного принуждения» человека являлась своеобразным способом выживания в жесткой геополитической среде и сохранения народом своей цивилизационной целостности. В жизнедеятельности кочевых этносов в силу складывающихся очень часто экстремальных ситуаций, когда постоянно вставал вопрос о приспособлении к тяжелейшим природным условиям существования, общие интересы геополитического выживания и цивилизационной адаптации народа оказывались первостепенными, нежели чем удовлетворение специфических интересов родо-племенной знати. Точнее, мера реализации специфических интересов властвующих групп зависела от эффективного обеспечения общих интересов.

Жизненное благополучие кочевых этносов напрямую зависело от их способности расширять и удерживать определенный экологический и геополитический ареал пространственного обитания. Ведь, воспроизводство кочевого населения было связано с воспроизводством скота. Чем больше во владении этноса оказывалось обильных лугов, пастбищ и водоемов, тем значительнее были гарантии выживания, благоденствия и роста численности населения. Стремление же расширять пространство обитания неизбежно вызывало противодействие других кочевых этносов, также побуждаемых жадой расширения.

На взгляд диссертанта, именно это состояние перманентного противостояния вызывало во взаимоотношениях кочевых этносов непрерывные агрессивные войны. Уже изначально самими обстоятельствами своего существования кочевник должен был становиться как скотоводом, так и воином. В этих столкновениях с соседями решение конфликта могло быть осуществлено несколькими путями: истребление врагов в военной схватке; присоединение их в качестве составных звеньев этнической общности; напротив, воссоединение с более сильной этнической общностью в качестве ее составных звеньев, чтобы противостоять другим крепким конгломератам племен.

Кроме того, как только геоэкологическая среда, окружающая кочевой этнос, по каким-то причинам стихийного характера, переставала благоприятствовать воспроизводству скота и тем самым благополучию, начинали действовать факторы дифференцирующего порядка. Этнос, который в сложившихся драматичных условиях, не мог приспособиться к окружающей среде большим массивом своего населения, использовал механизм дифференциации по племенным и родовым признакам и мог за очень короткое время рассыпаться, разойтись и рассосаться среди чужих этносов. Этот фактор оказывался особенно действенным в исторические моменты, когда неблагоприятная геоэкологическая и геополитическая ситуация совмещалась в одной пространственно-временной точке. В данной

связи можно предполагать, что в основном процессе перехода кочевых обществ от родового к государственному строю в широком историческом контексте решающую роль нередко играли не внутренние, например, четко обозначившиеся классовые взаимоотношения, а внешние, экологические и политические обстоятельства. Здесь организационно-управленческие функции «кристаллизуются» раньше, чем классовые признаки. Поэтому кочевое государство могло сложиться гораздо более быстрыми темпами, чем классовая структура общества.

Затем уже, выделившись «управленческая когорта», не разрушая родоплеменную организацию, а как бы вплетаясь в ее систему жизнеобеспечения, очень медленно эволюционировала в своеобразную классовую структуру. Итак, уточняя высказываемый здесь методологический подход, зададимся вопросом: какие же конкретные социально-ментальные механизмы, кроме образования государственности, заставляли, вопреки резким колебаниям политической ситуации, порой в корне менявших ранее существовавшее положение, сохраняться в раздробленной на родоплеменные группы этнической структуре, единому самосознанию и самоназванию «кыргызы»?

Конечно, здесь действует не один, а ряд факторов. Важным в этом плане является такой фактор, как способ идеологической организации и консолидации этнической общности в ходе борьбы за независимость. Поскольку идеология представляет собой систему взглядов и представлений, в которой действительность отражается через призму определенных *интересов* людей, постольку, естественно, в сложившейся ситуации интересы сплочения и единения становились стержнем этнического самосознания. И через механизм исторической памяти направляли деятельность людей в определенное политическое русло. Вместе с тем, как это ни удивительно, доминирующая тенденция этнической консолидации становится могучим препятствием на пути формирования узловых институтов вторичной народности. Объясняется данный факт тем обстоятельством, что переход от так называемого *государства-этноса* к *государству-классу* в кочевых обществах совершается чрезмерно замедленными темпами и происходит в течение длительной исторической эволюции. Тайна кочевого общества и государства скрывается в феномене, который мы обозначили как дуализм собственности и власти.

Когда государство, в силу определенных причин, распадалось, этнос не разбредался по родо-племенным ячейкам, не терял окончательно связей между собой, а сохранял свою целостность. Обособление дисперсных этнических групп не приводило к полному разъединению. Функцию консолидации, ранее выполняемую государством, брало на себя «гражданское общество». Но теперь уже, стержнем сплачивающим родоплеменные группы в «гражданском обществе», оказывалась историческая память, сознание «духовного» единства и «материи» общности. Следовательно, «политическое государство» и «гражданское общество» в кочевом мире во все периоды своего исторического бытия предстают как

некий органичный симбиоз. Однако, когда такого симбиоза нет, и тем более исчезают духовные скрепы исторической памяти, консолидирующие разрозненные родо-племенные ячейки в едином «гражданском обществе», этнос распадается и разбредается по другим человеческим массивам. Естественный синкретизм «этноса-государства» и становится основой политической культуры «потестарно-политического подданничества» и «потестарно-политической гражданственности».

Во втором разделе «Евразийско-российская цивилизация и традиционная политическая культура: институциональное взаимодействие» разбираются цивилизационно-культурологические условия вхождения Кыргызстана в состав Российской империи и жизнедеятельности в Советском Союзе. Политико-культурологическое воздействие евразийско-российской цивилизации на ментально-психологический строй кыргызского народа оказался фундаментальным. Печать этого влияния представляет важнейший момент самого процесса становления политической культуры советского и постсоветского человека.

С полным основанием в этой связи можно говорить о целостной евразийско-российской цивилизации. С одной стороны, через русское культурно-языковое мышление нерусские нации и народности Российской империи и Советского Союза осваивали завоевания и достижения мировой, прежде всего европейской, цивилизации. Без такого результата в настоящее время, когда Кыргызстан находится в начале своего независимого существования, общаться на равных с другими странами, было бы весьма затруднительно. Без мощной роли русского языка и российской культуры европейская ментальная струя никоим образом не проникла бы в содержание евразийской цивилизации.

В Российской империи и СССР проявил себя такой тип взаимосвязи государства и общества, при котором наблюдалось подчинение второго первым, так сказать, в абсолютном измерении, что обусловило недостаток собственно гражданских интегрирующих основ и очень слабую способность народа к самоорганизации. К тому же, ни один общественный класс в России не сумел дорасти до такого самосознания, чтобы стать силой, способной консолидировать общество и противостоять тиранической мощи государства. Результатом явилось то, что в эпохи политических катаклизмов, когда государство разрушается или находится в болезненной стадии, российское и советское население демонстрировало удивительную беспомощность и панический страх.

Это наглядно видно хотя бы из описываемых до недавних пор в учебниках истории тех или иных эпохальных событий. Успехи государства обязательно выводятся из наличия в тот или иной момент авторитарного политического лидера: Александра Невского, Ивана Грозного, Петра Великого, Ленина, Сталина, Хрущева, Брежнева, Горбачева и т. д. И действительно, власть в стране вне зависимости от смены политических режимов и наличия или отсутствия демократических процедур традиционно носила авторитарный характер. Как правило, авторитаризм, в «мягком» или

«жестком» своем проявлении, пронизывал сверху донизу все государственные и общественные структуры и определял характер их функционирования. Говоря философским языком, власть в российском обществе глубоко проникла в народный дух. Народ проявляет немощность, оказавшись без власти. Направляемый властью, народ показывает чудеса. Так уж случилось, что в истории России власть выступала силой, «онтологизирующей» бытие человека, народа.

Российская история жила в парадоксальном замкнутом пространстве, впадая либо в состояние стихии тирании, либо оказываясь во власти анархии. Эти две, как будто несовместимые явления — тирания и анархия — глубоко сидели в историческом круге жизни и деятельности россиян. И правда, уйдешь от тирании, попадешь во «власть тьмы», т.е. анархии, а отринешь анархию, вернешь «тьму власти», т.е. монархию. Как в народном сознании, так и материальной действительности проводится резкая грань между тем, кто «во власти» и тем, кто «вне власти».

В истории развития традиционной политической культуры мы наблюдаем как бы незаметное на поверхностный взгляд, но вполне реальное смещение плоскости внимания с отдельного человека на весь народ, с индивидуальной личности на коллективное целое. Роль и права каждой из данных сторон в историческом процессе просто несоизмеримы. Если народ в его единстве предстает как несокрушимая громада, то личность в ее отдельности смотрится как никчемность и ничтожность. Она лишь незначимый фрагмент, сколок от этой громады. Ее бытие исторически несущественно. В реальной исторической практике принцип «народ и коллектив всегда прав» заострял проблему противостояния общинно-соборного начала индивидуально-личностному началу. В личности с младенческих лет воспитывалось чувство призвания служить царю и отечеству в Российской империи, а позже народу и государству в Советском Союзе. Сама атмосфера жизни складывалась таким образом, что человек, поглощенный своими личными заботами и проблемами, обустройством своего индивидуального или семейного гнездышка, выглядел в глазах окружающих мелким и никчемным эгоистом. Напротив, тот, кто отдавал всего себя без остатка общему благу, приобретал в глазах людей образ народного героя. Таким образом, в диссертации авторитарно-коллективистский характер российской власти рассматривается как методологически важная предпосылка понимания социальной природы традиционной политической культуры.

В 3 главе «ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА» раскрываются характерные черты, присущие институту власти как реальной основы жизнедеятельности советского государства.

В СССР, пожалуй, впервые в истории возникает и складывается тоталитарная политическая система. С политико-культурологической точки зрения ее суть заключается в абсолютном господстве государственного

начала над личностным началом. С полной уверенностью можно говорить о «деспотизме государства», как преобладающей тенденции. Отметим, что политическая культура советского человека в существенных своих характеристиках противоречивым образом сочетается в своем содержании патриархальную, имперскую, интернациональную, коллективистскую («мнимокolleктивистскую»), классовую, авторитарную, номенклатурную и другие черты. Однако все эти черты в их системно-интегральном сочетании несут в себе неизгладимую печать тоталитарной природы социалистического общественного строя.

Политическая культура советского человека обладала, если так можно выразиться, «моделесозидающим потенциалом» в процессе формирования сущностных характеристик социально-исторического способа взаимодействия государства и личности, сложившегося в СССР. И напротив, данный способ взаимодействия государства и личности, доминировавший в общественной жизни, поддерживал воспроизводство важнейших черт советской политической культуры. Именно в процессе специфического взаимодействия личностного и государственного начал, как мне представляется, наглядным образом раскрывается механизм институционализации политической культуры советского человека. Вопрос в том, как работает в реальности данный механизм?

В первом разделе «Власть как институциональная основа советской политической культуры» рассматривается такой фундаментальный признак политической культуры в СССР, который выражается в том, что исходной точкой в понимании и отношении к миру, она выбирает не принцип «реально-сущего», а принцип «идеально-должного», т.е. мир отражается в ней не в реальной своей «ипостаси», а в каком-то желаемом, идеальном образе изменившейся действительности. Проще говоря, она смотрит на человека и государство не с точки зрения их реальной жизни и практической деятельности, а с точки зрения того, какой эта реальная жизнь и практическая деятельность обязана быть с позиции «идеально-должного». Идеально-должное же воспроизводится, например, в рамках так называемого «социалистического образа жизни». «Социалистический образ жизни» — это требуемое с точки зрения идеальной нормы поведение и сознание массового человека. Государство же предстает в облике некоего «всемогущего творческого» начала, т.е. направляющей силы, под руководством которой советский человек создает «социалистический образ жизни».

Таким образом, изначально институциональный процесс приобретает идеологический, доктринальный характер. Личность растворяется в тотальном сообществе, в безличной массе, превращается в не примечательную единицу из бесконечного статистического множества людей. Человек обитает в тотально обобществленном мире. Индивидуально-личностные интересы человека приносятся в жертву «коллективистским» (по сути мнимокolleктивистским) интересам тоталитарного государства. Эта

«модель» институционализации решающим образом повлияла на основные характеристики политической культуры советского человека.

Тоталитарные и авторитарные системы характеризуются тем, что их политическая и общественная структуры сводятся к минимуму формализованных, официальных и неформализованных, неофициальных институтов. Происходит же это в результате слияния различных структур и институтов социального бытия: идеологических, социальных, экономических и т.д. Институциональное пространство советского общества предельно сужается, становясь тусклым и однообразным. Действующие же институциональные образования «государствляются». Гражданское общество и его институты в СССР поглощаются государством. В свою очередь, гражданское общество и государство поглощались единственной в стране партией.

В стране ликвидируется складывавшийся веками институт частной собственности. Институт же государственной собственности трансформируется в своеобразного всецельного монстра. Происходит колоссальная по своим масштабам и глубине институциональная ломка общественного уклада жизни.

Традиционная общинно-коллективистская политическая культура наполнилась не солидаристским, а тоталитаристским содержанием. Предпринимались огромные усилия для того, чтобы присущую человеку этнонациональную специфику, например, в Кыргызстане, начисто вытравить. Советский человек, в каком бы уголке огромной страны он ни жил, оказывался в значительной мере унифицированной личностью.

Органичным звеном в этой цепи стала тоталитарная политическая культура советского человека. В этом контексте абсолютное доминирование государственного начала над личностным регулируется политической культурой «подданничества». Ее структурным элементом выступает соционормативная культура «принуждения», характеризующаяся насилием государства над личностью и приказной формой взаимодействия между ними. В свою очередь, соционормативная культура «принуждения» определяет основные черты морально-психологической культуры «страха» и «внешнего стыда». В сталинскую эпоху советское государство в подлинном смысле становится «Левиафаном XX века».

Идеологически ориентированное классовое сознание превращалось в основополагающий фактор «социалистической» институционализации политической культуры советского человека. Тоталитарная система уничтожает в своей корневой основе веками развивавшийся институт прав человека. В отличие от либерального понимания, трактующего права людей как естественные, т.е. принадлежащие им по сути самой человеческой природе, тоталитаристская концепция отрицает такое положение, считая что государство не просто защищает эти права, но и является единственным органом, дающим их людям, а также оставляющим за собой право изъять их в случае необходимости.

В определенном смысле для большевистских лидеров обладание властью было не просто средством, а целью. В их мировосприятии государственное начало играет чрезвычайно важную роль. Власть — это, если хотите, «магический кристалл», «философский камень». Государственная власть — «демиург», созидающий и преобразующий мир. Она имеет самодовлеющее значение. Казалось бы, неподъемные пласты темной жизни народных масс, с их чудовищной инерционной силой, все равно, в конце концов, чудесным образом изменяются, с данной точки зрения, под мощным воздействием «магического кристалла» — государственной воли. Путем властных воздействий можно значительно ускорить общественные процессы.

В Административной Системе СССР культ власти наполняется институциональным духом. Институционализируется сама среда и процесс властных взаимоотношений людей. Можно сказать, культ власти разлит по всему «телу» социалистического общественного организма. Его дух обитает во всех углах и пронизывает все поры народного сознания. Все сферы общественной жизни институционализируются лишь в направлении обслуживания потребностей власти. Один из стержневых пунктов Административной Системы заключается в принципиальной отчужденности, дистанцированности власти от общества и человека.

И как результат, на самой вершине властной пирамиды ореол величия венчается непомерным, всеохватывающим культом личности вождя народа, лидера страны. Сияние этого культа как бы бросает свет на все номенклатурное пространство. И каждый номенклатурщик находится под воздействием его лучей. Одновременно он испытывает культовое обаяние и культовый страх. Культ личности Сталина, Хрущева и Брежнева сложился на той же общественно-исторической почве, на которой выросла авторитарная и тоталитарная политическая культура советского человека. Сам же эта политическая культура «вскармливала» такую «ниву» человеческих отношений, в которой постоянно воспроизводилась величественная культовая атмосфера. Данная реальность характеризует основополагающие черты авторитарной политической культуры советского человека.

Сложившийся в стране тип личности советского человека стал социально-психологической, институционально-организационной и идейно-политической средой, на которой вырос, как на дрожжах, беспредельный культ власти. Институты административно-командной власти — это порождение политической культуры советского человека. И, наоборот, политическая культура советского человека является как бы почти зеркальным отражением сущностных черт институтов тоталитарно-авторитарной власти. Именно данный тип взаимодействия государственного и личного начал оказывается индикатором формирования специфического облика политической культуры советского человека.

Во втором разделе «Тоталитарная природа социалистической институционализации политической культуры» раскрывается институциональная специфика политической культуры советского человека.

Коммунистический тоталитаризм стал, несомненно, огромной трагической «ловушкой» в решении задачи модернизации СССР. Можно сказать, что в своем всемирно-историческом контексте он явился порождением незрелого индустриализма «угля и стали», массового стандартизированного производства XX в., когда возник величайший соблазн использования невиданных прежде научно-технических средств в целях всеохватывающего контроля над обществом и человеком. Именно на такой почве возросли монополизм в экономике и империализм в политике, неизбежно подтолкнувшие напряженно конфликтующие государства в первой половине XX в. к развязыванию двух мировых войн и появлению как «красных», так и «черных» тоталитарных режимов.

Самое существенное, в советском обществе не сложился дееспособный институт легитимности (законности). Концептуализируя данное положение, автор выдвигает тезис, согласно которому в политической культуре советского человека не сформировалась система реально функционирующих норм «законопослушного» сознания и поведения. Массовая личность проявляла себя в самых разных жизненных ситуациях не как «законопослушный гражданин», а как «властепослушный подданный».

Чрезмерно идеализированная и идеологизированная тоталитарная индоктринизация достигает в стране невиданных масштабов. В тоталитарной системе координат создается впечатление, что достаточно изменить сознание человека, как он начнет сразу же преобразовывать окружающий мир. Отправляясь от этой ложной посылки, тоталитаристская концепция человека упускает из виду тот фундаментальный факт, что человек обязательно соотносит существующие в своем сознании установки с реалиями окружающей жизни..

Здесь проявлялась глубочайшая коллизия институционального и идеологического видения реальности. Поэтому значительное место в комплексе тоталитаристских идей и механизмов, имеющих целью преобразование человеческой природы, занимает жесткий контроль над сознанием человека, его внутренним духовным миром, мыслями и чувствами. Именно в этом процессе наиболее наглядно выражается тоталитарная природа социалистической институционализации политической культуры человека.

Вопреки реальности, тоталитаризм требует от человека верности идее. Причем этот подход основывается на постулате, согласно которому в политике существует лишь одна верная идея, одна истина. Все в мире — экономика, промышленность, культура, мораль, наука, политика, философия, искусство, многообразие отношений людей и т.д. — в буквальном смысле пронизывается и направляется одной единственной определяющей идеей. И неукоснительно следуя ей, возможно достижение гармоничного и совершенного порядка вещей в мире. В тоталитаристском образе мышления окружающий мир предстает институционально бедным, узким, плоским и однолинейным. И действительно, в самой реальности тоталитарного бытия общества естественноисторический процесс образования и изменения

институтов приобретает односторонне унифицированный, жестко директивный характер. Поскольку задача преобразующей роли в процессе переделки природы человека возлагается не на институциональные факторы реальной жизни, а на механизм идеологического воздействия, постольку происходит поглощение идеологией сфер науки, особенно обществоведческой, искусства, культуры и т.п.

И в этом одна из фундаментальных причин, почему Советский Союз не сумел коренным образом преобразоваться и перейти от традиционного к современному обществу. Соответственно, произошло наследование многих традиционных, и даже патриархальных, институциональных элементов в политической культуре советского человека.

Тоталитарная политическая система имеет ярко выраженную тенденцию организовываться в исторической форме имперской державы. СССР, конечно же, был своеобразной исторической «моделью» такого институционального «пространства нормы». Жизнедеятельность этнонациональных общностей по единому унифицированному, шаблонному «нормативу» выдавалась за эталон интернационализма. Несомненно, вопреки всяким сомнениям, такая общность интернационального типа, как советский народ, являлась исторической реальностью, так же как и советский человек. Но это была реальность идеализированного порядка.

Объективно-научный подход свидетельствует, что величайшим завоеванием социализма явилось, несомненно, формирование и становление института интернационализма. Выработывается целая система формальных и неформальных норм и правил интернационального общения людей. Примером в данном случае может выступать развитие Киргизской ССР. Ее динамичное преобразование в советскую эпоху явилось результатом политики так называемого «социалистического интернационализма».

Как и всякое сложное, многогранное историческое явление, социалистический интернационализм имел свою негативную и позитивную стороны. Наиболее выпукло первая сторона характеризовалась реализацией центром в практике жизнедеятельности народов СССР тоталитарно-унифицирующей целевой функции. Имперский центр «навязывал» этнонациональным регионам осуществление тех «амбициозно-мессианских» задач, которые вытекали из постулатов коммунистической идеологии. Поэтому здесь реально-практическое воплощение интернационалистских принципов находилось в уже отмеченном нами умозрительном контексте «идеально-должного». Вторая сторона вытекала из естественно-исторической целевой функции социалистического интернационализма по обеспечению провозглашенного принципа «равенства» исторического развития наций и народностей СССР.

Разумеется, в этой тенденции находит свое отражение интернациональная сущность политической культуры советского. Именно в социалистический период был осуществлен в основном прорыв кыргызского народа из кочевого общества к аграрно-индустриальному. Это

был в полном смысле слова исторический скачок. Событие эпохального значения. Однако это был такой скачок из прошлого в настоящее, когда пролегающая между ними огромная дистанция создает в нашем воображении образ совершенно отчужденных и разобщенных цивилизаций. Сейчас нам трудно понять, насколько мучительно этот прорыв давался. Ведь кыргызы, в отличие от западноевропейских народов, не прошли последовательно все формационные фазы исторического развития. Поэтому в национальном характере кыргызов с большим усилием вычлняются такие «формационные черты», как «чисто» феодальная, буржуазная, социалистическая ментальная психология и политическая культура. Народ лишь в практике жизни «ощущает вкус» тех или иных формационных характеристик. И если этой исторической практики последовательного перехода отсутствует в жизнедеятельности народа, то разрыв между формационными «нишами» становится цивилизационной пропастью.

Эти изменения происходили в общем контексте трансформации жизни народов всей Средней Азии и Казахстана. Разумеется, переход от кочевно-аграрного образа жизни к образу жизни в рамках аграрно-индустриального пространства, для традиционного этноса Кыргызстана представлял собой «колоссальный шок». Но, что очень значимо, он смягчался тем существенным обстоятельством, что «парадигмы» жизнедеятельности общинно-родового кочевого и социалистического аграрно-индустриального строя в своих основных параметрах совпадали. Частная собственность и эксплуатация труда человека в обоих случаях не поощряются и даже осуждаются. Индивидуализм и эгоизм личности и там, и там не приветствуются. Восхваляется и поддерживается коллективизм. Богатство, идущее вразрез с этическими нормами, осуждается.

За этими преобразованиями, свидетельствующими о достижениях лишь одной Киргизской ССР, зримо предстают действительно фундаментальные общие закономерности социализма как общественного строя, сумевшего осуществить глубинную «пропажку» жизни народов, вовлекаемых в орбиту его развития, коренным образом преобразующего и поднимающего на невиданную прежде высоту «качество» социально-исторического бытия миллионов людей. Однако в этом процессе находила отражение лишь одна, уже отмеченная нами, сторона социалистического интернационализма, проявляющая себя в естественно-исторической тенденции развития наций и народов в условиях обновляющейся жизни.

Данная историческая тенденция смогла решить две задачи. Во-первых, уберечь в определенной мере нации и народности от всеобщей унификации и стандартизации. Во-вторых, создать реально-историческую почву для становления из древних и средневековых этносов Центральной Азии молодых социалистических наций. В рамках союзной республики в Кыргызстане шел интенсивный процесс преодоления «трайбалистского», родоплеменного сознания и становления этнонационального самосознания. Какие бы разговоры сейчас не шли о нашем недавнем прошлом, объективность и справедливость заставляет сказать, что кыргызская

советская социалистическая нация в своем этническом измерении являлась качественно более высоким, богатым, динамичным и органичным целостным образованием, нежели в предшествующую историческую эпоху

В 60-80-е годы XX в. тоталитарная политическая система Советского Союза переживала всеобъемлющий кризис. Все сферы жизнедеятельности советского общества захлестнула «стагнация», застойное состояние. Огромную роль в порождении данного явления, несомненно, играла авторитарно-патриархальная и имперско-державная политическая культура советского человека. Она разрушала созидательный потенциал человека. Можно сказать, это был «подавленный» человек. Следовательно, и социально-исторический тип личности был иной, не активно преобразующий, а пассивно приспособляющийся. Социалистический энтузиазм как будто испарился. Равнодушие, апатия, безразличие овладели человеком. Двоемыслие витало во всем его облике. Сказать одно, сделать другое — становится правилом. Естественно, как подчеркивают исследователи этого периода, по мере того, как «эпохальные свершения» сменялись рутинным, кропотливым трудом, зачастую не приносившим реально осязаемых результатов, по мере того, как человеку приходилось все реже подниматься в атаку, а просто ежедневно ездить на работу, в повседневной же жизни оставалось все меньше места для жертвенности и героизма, социальные и политические реалии вступали во все более острый конфликт с духовной и культурной «матрицей» народа, отвергавшей серую обыденность и мертвую унифицированность окружающей жизни. Подспудно, как бы незримо для поверхностного взгляда, противоречия центра и периферии все больше углублялись. Бравурные, фанфарные звуки уже мало кого могли обмануть и вдохновить.

В 4 главе «ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА» осуществляется анализ процесса преобразования, трансформации взаимоотношений государственного и личного начал, изменения характера соотношения традиционного и инновационного факторов при переходе от советской к постсоветской эпохе.

Естественно, изменяющаяся ситуация ведет к преобразованию способа взаимодействия государственного и личного, традиционного и инновационного начал. Трансформируется политическая культура человека. Она, из тоталитарно-авторитарной, в перспективе имеет тенденцию постепенно превратиться в либерально-демократическую. Однако процесс институциональной модернизации оказался весьма трудным и противоречивым, зигзагообразным и извилистым.

В этой связи новая, складывающаяся на наших глазах политическая культура Кыргызстана, вероятнее всего, явится неким синтетическим сплавом четырех основных источников. Во-первых, главным ее составляющим, несомненно, станет собственная социально-политическая практика страны. Во-вторых, в настоящее время Кыргызстан открыт всем

международным бурям и штормам. И, разумеется, находясь в мировом пространстве, будет непременно подвергаться интернациональному влиянию. В-третьих, становление национальной государственности привело к возрождению исторической памяти, и естественно, ускорило регенерацию отдельных черт традиционной этнополитической и этико-политической культуры кыргызского народа, что, разумеется, также оказывает значительное влияние на процесс и структуру формирующейся новой политической культуры. В-четвертых, актуально действенным останется влияние в ближайшем будущем такого источника, как наследие советской политической культуры, которая не может в краткосрочном периоде времени совсем выветриться из массовых «железобетонных» привычек человека.

В первом разделе «Институт двойного стандарта» внимание сосредотачивается на раскрытии основополагающих черт реально функционирующего в советскую и постсоветскую эпохи института «двойного стандарта». Это существенный фактор, негативным образом влияющий на трансформацию политической культуры постсоветского человека.

Социально-психологический и ментально-нравственный тип **постсоветского человека** не может характеризоваться иными чертами, нежели чем свойствами «маргинальной» личности. «**Постсоветский человек**» несет в себе «родимые пятна» советского образа мышления и поведения. *Постсоветский человек продолжает еще в определенной мере, но конечно, не во всем, видеть мир теми же глазами, что и советский человек. Одна из существенно-значимых черт политической культуры советского и постсоветского человека проявляется в феномене «двойного стандарта».* Институт «двойного стандарта» в политической культуре имеет глубокие исторические корни и многообразные проявления в человеческой деятельности. Феномен «double think» («двоемыслие», «двойной стандарт») образно напоминает «двуликого Януса», лица которого смотрят не просто в разные, а в противоположные стороны. «Двойной стандарт» - это так называемое расхождение между *словом и делом*, когда люди во всеуслышание провозглашают и говорят одно, но в самой реальной практике жизни делают совершенно противоположное, широко известное общественное явление. И в настоящее время «двойной стандарт» наблюдается в политической культуре многих стран и народов.

Но именно в Советском Союзе, а затем на постсоветском пространстве СНГ, «двойной стандарт» получил наиболее широкое распространение и глубокое применение. С впечатляющим размахом и глубиной это явление вошло в «плоть и кровь» советского и постсоветского человека. В политической жизни общества оно обрело подлинные институциональные характеристики и признаки. Разрыв между словом и делом здесь достигал колоссальных масштабов и огромных глубин. Рядовые работники обманывали начальство, а все вместе - государство. В свою очередь, государство обманывало народ.

Черта «двойственности» удивительным образом преломляется в сознании номенклатурного деятеля. Уже в годы «перестройки», когда появились первые предприниматели, заработавшие большие деньги, чиновники их невзлюбили. Но на словах, конечно, поддерживали. Однако их возмущало то, что исчезла «справедливость». Номенклатурный деятель признавал за богатством ценность и благо, лишь в том случае, если оно досталось человеку «достойному». А достойным мог быть только занимающий определенный статус в номенклатурной системе. А когда богатство достается неизвестно откуда явившемуся человеку, оно перестает быть ценностью и благом. Эта двойственность восприятия ценностей мира становится важнейшей причиной того, что с тех времен намечается противостояние чиновников и предпринимателей.

По мере того, как сталинская эпоха тоталитаризма в Советском Союзе медленно, но неуклонно сменялась эпохой авторитаризма, номенклатурный страх, поддерживаемый жесточайшей репрессивной системой, постепенно исчезал. Появляется уже иной тип номенклатурного работника, связывающего обладание должностью с определенной выгодой для себя и своей семьи. Следовательно, здесь советский аппарат, как бы незаметно на поверхностный взгляд, принимает уже привычный в истории откислизовавшееся бюрократическое обличье «номенклатурного класса». Личностное самовыражение «Я» распространяется с *социального* уровня человеческой природы на уровень *экономический*.

Разумеется, власть - единственная высшая ценность. Присвоение административной власти в форме «частной собственности» поощряет эту личность и на дальнейшие попытки частного присвоения государственной собственности. Таким образом, это уже другой тип человека, которого можно с полным основанием называть «двуликим Янусом». Одним своим ликом она смотрит, по-прежнему, внутрь Административной Системы. Преданно ей служит. Но другим своим ликом она обращается уже за пределы нужд Административной Системы. Все чаще ее помыслы устремляются к своим частным, эгоистическим интересам. Желательно иметь доступ к собственности. Однако ее должны добиваться те, кто обладает властью. *На данном историческом этапе в личностной картине институционального взаимодействия власти и собственности, что-то уже неузнаваемо изменилось и динамично преобразовалось.*

Логика такого преобразования нашла свою законное обоснование и реальное воплощение в процессе внезапного слома социалистической системы и перехода к капиталистической системе, в ходе замены государственной собственности на частную собственность, а принципа «национализации» на принцип «приватизации». Наряду с тем, это был и революционный слом, своеобразный «прерыв постепенности», прорыв в принципиально новую область жизни. Поэтому и в политической культуре человека происходят перемены институционально-ценностного порядка. Ориентирующим фактором здесь выступает установление и утверждение на постсоветском пространстве **института частной собственности**. В такой

исторической ситуации определяющими моментами общественной жизни становятся, с одной стороны, «**деинституционализация**» **государственной собственности и ее организационных начал**, а с другой, напротив, «**реинституционализация**» **частной собственности**. Организующие принципы и нормы реинституционализации частной собственности устанавливались методом «проб и ошибок». В процессе приватизации многие институциональные нормы еще не получили **легитимного статуса**. В условиях переходного этапа и ранних частнособственнических отношений людей интересы и цели человека коренным образом меняются. Частные интересы выходят на передний край, и вытесняют на периферию человеческого сознания и поведения общественные потребности и цели. «Деспотизм интересов государства», торжествовавший в советскую эпоху, ныне стремительно уступает свое место «деспотизму интересов личности». Сущность человека раздваивается. В реальных делах экономический мотив частной наживы и личного обогащения становится стержнем политического сознания и поведения людей. Но в публичных речах главенствуют мотивы борьбы за общественные потребности и цели. Налицо «двойной стандарт».

Естественно, переход государственной собственности, которой распоряжалась номенклатура, в свою противоположность, частную собственность, «разогревает» неумные аппетиты чиновников. Коренным образом преобразуется стержневой мотив их бюрократической деятельности. Прежняя советская номенклатура, в странах СНГ трансформировавшаяся в бюрократию, ведет борьбу за «частное освоение» бывшей государственной собственности. К сожалению, как уже говорилось, сумбур в этой противоречивой исторической ситуации усугубляется тем, что страны СНГ вступили в новую частнособственническую полосу жизни спонтанным путем, не имея законной, общепринятой оптимальной стратегии осуществления приватизации. Получается так, что сумбур проистекает главным образом из «разрухи в душах и раздвоения в мыслях» постсоветских людей, продолжаясь в их поступках и делах.

К огромному сожалению, выходит так, что институт «двойного стандарта» стал важнейшим инструментом общественно-политической жизни в странах, сложившихся на постсоветском пространстве. Не обошел стороной он и Кыргызстан. Пожалуй, самое примечательное, несмотря на происходящие вокруг перемены, черта двойственности, присущая сознанию и поведению постсоветского человека рубежа XX и XXI веков, почти не распадается, не разрушается, а лишь медленно размывается, рассасывается под напором изменяющихся жизненных обстоятельств. Надо полагать, институциональный механизм страха тоталитарной эпохи исчез, но не родилась еще демократическая культура «доверия».

Поэтому человек не меняется должным образом, несмотря на то, что наступили новые времена. И если меняется, то не в ту сторону, которую хотелось бы. В этой ситуации попытка насадить в стране демократические институты, без существенных перемен в «человеческом материале» и радикального обновления самой политической, социальной и экономической

системы, приводит лишь к появлению новой формы при сохранении старого содержания. К тому же, еще нигде модернизация общественных структур и приобщение к достижениям мировой цивилизации не совершались через простое подражание, заимствование, но всегда лишь на базе собственных национально-культурных традиций. Пока не преобразуется коренным образом сама суть общественных отношений людей, трудно говорить о радикальном обновлении общества. Как мы видим, даже тогда, когда произошла полная смена политических институтов и в жизни общества совершились достаточно серьезные преобразования, старая, как бы «зацементированная» система политической культуры продолжает прочными корнями сидеть в сознании и поведении человека. Так, в настоящее время, можно сказать, постсоветское общество в странах СНГ, порвавшее с тоталитарными институтами социалистической эпохи, все еще продолжает оставаться заложником ее политической культуры.

Институт «двойного стандарта», определяющий образ мышления и поведения постсоветского человека, разумеется, уходит своими корнями в советскую эпоху. Но генетические побег этого явления не дали бы таких бурных всходов, если не было благодатной почвы в самих постсоветских условиях. Такими условиями стали чрезмерно гипертрофированный рост частнособственнических амбиций, неумеренная жажда обогащения, алчно-корыстные цели. И напротив, общественные потребности, национальные интересы вовсе отошли в глубь сознания и поведения постсоветского человека. Возникло противоречие между индивидуально-эгоистическими побуждениями и общественно-коллективистскими функциями личности. На словах проповедовалось общественное благо, а в делах преследовалась частная корысть. В личных интересах постсоветского человека произошло глубокое раздвоение.

Исчез баланс, некое равновесие между общественными потребностями и частными побуждениями. В политической культуре советского человека тоталитарное государство совершенно заглушало ростки частнособственнических устремлений, во имя полного торжества общественно-полезных усилий. Индивидуализм изгонялся как порождение зла, а коллективизм провозглашался как вселенское добро. Но опять-таки здесь вновь проглядываются уродливые лики «двойного стандарта». С одной стороны, всемерно пропагандируется «социалистический коллективизм», а с другой, в жизненной практике преследуется индивидуально-эгоистическая цель. И поэтому в человеческих взаимоотношениях институциональную значимость приобрели такие явления, как *имитация, мимикрия, двойной стандарт*

В советской общественной системе длительное время господствовала установка, согласно которой коллективизм признавался позитивной, а индивидуализм, напротив, негативной тенденцией в историческом развитии личности. И только в конце 80-х и в 90-е гг. XX в. «пробилась» идея, что и коллективизм, и индивидуализм необходимо оценивать в историческом

контексте. В разных ситуациях они могут играть как положительную, так и отрицательную роль.

Реакцией на распад тоталитарной социальности стал болезненный корпоративно-групповой и индивидуальный эгоизм, анархическое неприятие любых форм человеческой социальности, организующим началом которых выступает государство. Произошла своего рода «приватизация общественной жизни». Тотально идеологизированная и социализированная общественная система, стремившаяся подчинить все личное государственному, породила противоположный тип насквозь деидеологизированного, десоциализированного, поглощенного частной жизнью, эгоистического человека.

Нынешний постсоветский чиновник предстает в образе «двуликого Януса». С одной стороны, он является **государственным лицом**. И как таковой, он обязан защищать общественные потребности и национальные интересы. Но с другой стороны, он еще член гражданского общества, т.е. является **частным лицом**. Как частное лицо, он, естественно, выражает тем или иным образом, свои личные, перерастающие в эгоистические, интересы. Его лица смотрят в противоположные стороны. Данное противоречие чиновник, разумеется, в своей жизненной практике каким-то образом разрешает. Но в сегодняшней исторической ситуации, видимо, он чаще всего склоняется в ту сторону, куда смотрит его частное лицо. Это стержневой момент, позволяющий понять внутреннюю суть политических и экономических мотивов поведения постсоветской бюрократии. Такова объективная логика нынешнего времени и субъективно винить чиновников нет никакого смысла. Так, или почти так, происходило и в прошлые времена, и во многих странах. Субъективно люди, за редким исключением, следуют объективной логике событий.

По прошествии четырнадцати лет самостоятельного развития, пожалуй, для всех стала очевидной реально проявившаяся в практике «цивилизационная несовместимость» специфики исторического развития обществ Центральной Азии с общепринятой европейской моделью. Более того, не только в странах Центральной Азии, но и в целом на постсоветском пространстве, западная модель развития не находила адекватной почвы для своего воплощения. Разговор не о том, что демократические институты хороши, а постсоветские люди плохи. Здесь плоскость измерения другая. Скорее, люди пока что одни, а институты пока что другие. Не образовалось единого, «стыкующего» обе стороны, пространства. Почему так произошло? Потому что, здесь превалировал частно-эгоистический интерес, а общественная цель была «загнана в угол». Постсоветская экономика становится царством частных взаимоотношений. Нынешняя ситуация в постсоветских странах, несмотря на значительное различие в уровне социально-экономического развития, отличается удивительной институциональной схожестью. Она на всем постсоветском пространстве, в том числе и в Кыргызстане, характеризуется нарастающей

институциональной коллизией между формальными и неформальными правилами, нормами и ценностями.

К чему это приводит? К тому, что экономическая, социальная и политическая сферы общественной жизни в странах СНГ страдают, если так можно выразиться, от «поведенческого вакуума», Нормы демократии воспринимаются традиционным человеком через призму уже сложившихся и «откристаллизовавшихся» образов советской политической культуры. Он обычно довольно быстро усваивает внешние формы демократии, но часто вкладывает в ее содержание сложившиеся в его традиционном образе жизни представления о взаимоотношениях между народом и властью, о принципах справедливости, добра и зла. Иначе говоря, отличие традиционного человека от современного состоит как раз то в том, что он «переиначивает», «переворачивает» принципы демократии под свой укоренившийся уклад жизни.

Естественно, возникает вопрос о том, почему **институциональная среда** новой политической культуры формируется и складывается столь сложным и противоречивым путем? Во-первых, впервые в истории Кыргызстана, а также других стран СНГ, осуществляется переход от традиционной к современной общественной системе. Во-вторых, идет повсеместно процесс разрушения тоталитарных и возникновения демократических институтов и учреждений. В-третьих, наблюдается медленная, но неуклонная смена систем ценностей сознания и поведения человека. В прежней системе жизнедеятельности не было никакой реальной **институциональной почвы** для произрастания зерен либерально-демократической политической культуры. В укладе и образе жизни людей попросту не существовало такой основы.

Но постепенно, подобно капле воды методично подтачивающей камень, время все же берет свое и сегодня в Кыргызстане можно наблюдать, как в муках острейших социально-экономических, культурно-исторических, нравственно-психологических противоречий, рождается новая политическая культура. Одновременно идет медленное разложение старой политической культуры. Протекающая на наших глазах жизненная практика доказывает, что этот процесс продвигается весьма противоречиво и займет длительный время. Как бы то ни было, постсоветский Кыргызстан, так же как другие государства СНГ, несмотря на предпринимаемые серьезные реформаторские шаги, еще долго будет, если не оставаться во власти, то, по крайней мере, испытывать ошутимое влияние рецидивов советской политической культуры. Мы и дальше будем свидетелями медленного «напластования» в современной жизни элементов новой политической культуры и постепенного вытеснения элементов старой политической культуры.

На наших глазах разворачивается противостояние двух типов, систем политической культуры: культуры «подданничества» и культуры «гражданственности», тоталитарно-авторитарной культуры и либерально-демократической культуры. Разумеется, многообразная историческая реальность вовсе не ограничивается этими двумя,

типологически противоположными, моделями политической культуры. Жизнь была и есть намного богаче, глубже и противоречивее, чем данные схемы. Но в исторической ситуации, характеризующую постсоветскую реальность, именно они являются основополагающими, определяющими тенденциями общественной жизни, между которыми идет борьба. Поэтому и схемы, оказывается, могут быть продуктивным способом членения в процессе познания обобщенных образов действительности.

Во втором разделе «Национальное государство как фактор институционализации постсоветской политической культуры» выявляются конкретно-исторические условия демократического преобразования общества и человека в современном Кыргызстане. Речь идет прежде всего о специфических признаках и чертах институционального процесса в ходе которого формируются составные звенья либерально-демократической политической культуры. Национальное государство здесь играет роль локомотива.

Социализм потерпел крах потому, что шел против естественной природы человека, его неотъемлемых прав и личных интересов. Исторический опыт показывает, что лишь формирование соответствующего личным интересам человека институционального базиса в стране, обеспечивает реальную стабильность и динамичное развитие общества. Однако нынешняя, сложившаяся у нас переходная ситуация говорит также и о противоположном. К огромному сожалению, наше общество попало в объятия другой крайности. Оно оказалось в сетях очередной «ловушки». «Деспотизм государства» нынче уступил свое место «деспотизму личности». В политической культуре постсоветского человека социально-политический способ взаимодействия государственного и личного начал коренным образом вновь преобразился. Расширяются и углубляются институциональные коллизии между «коллективистско-солидаристскими» и «индивидуально-эгоистическими» ориентациями в политической культуре постсоветского человека. Вопрос не в том, чтобы уничтожить одно во имя утверждения другого! Речь идет о нахождении приемлемого механизма их взаимосочетания и взаимодействия. Именно эта проблема является основополагающей на нынешнем этапе.

Представляется, что в прямой связи с событиями последних лет в республиках Центральной Азии из основных индикаторов общественных преобразований на передний план вышла политическая составляющая. Стало очевидным, что в сложившихся исторических обстоятельствах жизнедеятельности в странах Центральной Азии лишь демократическое государство способно выступить в качестве локомотива, увлекающего за собой весь состав общества по линии созидательных начинаний. Стало очевидным, что эффективное экономическое развитие возможно лишь посредством повышения качества административно-политического управления. И наоборот, достижение лишь определенного уровня социально-экономического благополучия обеспечит политическую стабильность в обществе. В чем же тогда дело в постсоветских странах? А дело, наверное, в

самом обществе, человеке, в существующей жизненной атмосфере и традиционных институтах, а точнее в политической культуре людей. Более обобщенно, в том, что в исторической реальности разводит в противоположные стороны традиционную и современную цивилизации.

Развитие демократии зависит от политической культуры. Если она не способна поддержать демократическую систему, шансы последней на успех не велики. Политические институты функционируют должным образом лишь в том случае, если они встроены в адекватный им культурно-исторический контекст. В данной связи, лавина нарастающих проблем Кыргызстана и других государств Центральной Азии, по-видимому, может быть решена на пути созидания **национального государства**. Как известно, строительство национального государства, в европейском восприятии «нация и государство» или «государство — нация и», является необходимым этапом в развитии любой страны. Исторический опыт показывает, что страна, не прошедшая этапа национально-государственного строительства, не достигает в своем совершенствовании достаточной зрелости и стабильности. Национальное государство — это своеобразный тип политической организации общества, сложившейся в определенных конкретно-исторических условиях развития Западной Европы в Новое время (XVI-XVIII вв.). В течение XIX-XX столетий эта форма государственности распространилась по всем континентам и регионам. Как политический институт национальная государственность имеет достаточно долгую историю. В современной философско-политологической литературе получило распространение понятие "национального государства" или "нации-государства".

Исторический контекст становления *гражданской нации* оказывается иным, нежели *этнической нации*. В реально-историческом и концептуально-методологическом плане между ними нужно проводить четкую границу. Таким образом, существуют, по крайней мере, два значения понятия «нация-государство». Во-первых, связанное с политической концепцией нации и означающее правовое государство, опирающееся на гражданское общество, нацеленное на поддержание законности, порядка и равенства людей перед общим для всех законом. В данном случае речь идет о либерально-демократической трактовке «нации-государства», в которой идея прав человека и общенациональных целей доминирует над этнической и социальной принадлежностью и заменяет ее. Во-вторых, в концептуальную основу «нации-государства» кладется идея об этнических общностях, образующих многонациональное государство. Однако многоэтничное государство исторически предстает уязвимым в плане внутренней консолидации. Этническое самосознание очень часто тяготеет к национальному самоопределению путем образования собственного государства. Снятие внутренних перегородок и стабильное состояние внешних границ — это органичная черта «нации-государства», в которой расплывчатость, переменчивость внутренних перегородок сочетается с незыблемостью внешних рубежей. Ведь становление национального

самосознания предполагает свободу людей как граждан, а также их равенство как подданных перед государством.

Здесь политическая культура «гражданственности» наполняется такими содержательными характеристиками, как деятельное гражданское участие в жизнедеятельности «нации-государства», так и подданническое чувство по отношению к отчизне. С другой стороны, политическая культура «подданничества» обретает такую важнейшую характеристику, когда свободное волеизъявление гражданина органично вплетается в поведение и сознание подданного государства.

Пожалуй, здесь мы видим начальную фазу совпадения интересов гражданского общества и государства. Возникает тот исторический мотив развития страны, который получил емкое название «**н а ц и о н а л ь н о г о и н т е р е с а**». По историческим меркам очень медленно, но все же приходит осознание того, что государство должно защищать общие интересы всей гражданской нации. Собственный интерес государства есть как раз-то должным образом выраженный национальный интерес. То, что здесь говорится в отношении Кыргызстана, представляет собой общую тенденцию исторического развития, присущую в целом странам СНГ на нынешнем переходном этапе. Государству придется помогать институциональному становлению гражданского общества.

Созидающаяся на наших глазах национальная государственность, несомненно, имеет свой специфический облик. Уже в первые годы нашего суверенного развития была выдвинута идея «Кыргызстан – наш общий дом». Этнонациональные группы в республике постепенно начинают ощущать свою консолидированную гражданскую общность. Это, очень осторожно выражаясь, показывает лишь то, что в республике идет институциональный процесс формирования из различных этнонациональных групп первичных контуров единой гражданской нации. Разумеется, становление гражданской нации даже при всех благоприятных обстоятельствах займет по времени жизнь ряда поколений. И, конечно же, данный процесс должен направляться и регулироваться государством. Идея гражданской нации, следовательно, отвергает все внутренние границы и перегородки в государстве, содержит в себе презумпцию равенства, одинаковости шансов для всех граждан независимо от происхождения, цвета кожи и глаз, вероисповедания и т.п. И она предполагает намного большую внутреннюю сплоченность населения государства, т.е. национальную консолидацию. Важнейший признак нации – это ее неделимость. Именно рождение и созревание наций придает новый статус государственно-территориальным границам. Полное отсутствие внутренних перегородок и устойчивость внешних границ – таков принцип «нации-государства».

Наряду с положительно проявляющейся тенденцией гражданского сплочения этнических общностей, *проявляется и усиливается внутренняя экономическая «расколотость» общества, несовпадение базовых интересов социальных групп, отмеченная западными и отечественными исследователями еще в 90-х гг. XX столетия. Самое важное,*

деспотизм национального государства как мощного фактора, способствующего институционализации либерально-демократической культуры, в значительной степени теряет свою силу. Чиновничество же, в погоне за частным интересом и, не осознавая в достаточной мере свою роль в происходящих процессах, объективно становится ощутимым препятствием на пути консолидации общества, реально осуществляемой национальным государством.

Одолеть его оказывается возможным лишь радикальным преобразованием традиционного общества в современное, т.е. для стран Центральной Азии, в частности, Кыргызстана лишь в динамичном обновлении тоталитарно-авторитарных институтов, остающихся от советской системы, в либерально-демократические. Существует достаточно распространенное мнение, что странам Центральной Азии потребуется немало времени для перехода от традиционного к современному обществу. С этой точки зрения, переход от традиционного к современному обществу в странах Центральной Азии представляет собой чрезвычайно сложную задачу по той простой причине, что здесь проявляет себя «**цивилизационная несовместимость**», равная колоссальному дистанционному разрыву.

Спрашивается, можно ли эту «цивилизационную несовместимость» между традиционным обществом в странах Центральной Азии и современным обществом развитых капиталистических стран каким-то образом «совместить», сократить, уменьшить? Так, традиционную политическую культуру «подданничества» с ее общинно-коллективистской ориентацией, характеризующую общества Центральной Азии «вписать» в современные, развитые формы капитализма, совместить с современной политической культурой «гражданственности» с ее индивидуально-демократической ориентацией? Оказывается, можно! Надо присмотреться к историческому опыту капитализма в разных странах.

Теория «альтернативных систем капитализма», пользующаяся все большей популярностью в кругах современных политиков и экономистов, показывает, что «чистая» капиталистическая экономика, с которой имели дело классические концепции развития, представляет не что иное, как только идеальное отражение европейского пути. Но, как уже доказывалось, Запад уникален, но не универсален! Замечено, что сегодняшний капитализм воплощается в качественно различных конкретных формах, для которых характерны не только общие закономерности, но и некоторые существенные особенности. Капитализм лишь в теории выступает в качестве универсального хозяйства, в реальной же практике действуют конкретные и множественные «экономические системы».

На месте классического капитализма, с его индивидуалистической ориентацией, в развитых странах, появился так называемый конкурентно-корпоративный капитализм. По справедливому замечанию Ф.Фукуямы, клановая структура и соответствующая ей культура «подданничества» и «долга», присущая конфуцианским странам Восточной и Юго-Восточной

Азии, совпали по времени с одной из черт так называемой «постиндустриальной адаптивной корпорации, характеризующей современный капитализм» Внутри локальной группы, представляющей первичную ячейку клановой структуры, легче всего складывается уравновешивающее индивидуалистические и эгоистические стремления общее чувство коллективного взаимодействия, быстро формируются объединяющие этические ценности и психологические мотивации, обеспечивающие основу для доверия между членами коллектива. Альтруизм на рынке менее эффективен, чем эгоизм. Но действующее в условиях рынка альтруистическое взаимодействие членов семьи оказывается более эффективным, нежели эгоистические побуждения.

Как показывают факты, современный капитализм одновременно и коллективизируется, и индивидуализируется. В политической культуре человека индустриального общества в настоящее время наблюдается более или менее органичное соответствие «коллективистско-солидаристского» и «индивидуально-эгоистического» начал. Идея современного капитализма под названием «постиндустриального общества», а в последние десятилетия и «посткапиталистического общества», разрабатывалась во множестве исследовательских работ западных авторов, начиная еще с 50-х годов XX в. В развитых странах все больше и больше эксплуататорская функция частной собственности отступает на задний план и уступает место действию трудовой функции. И в этом контексте современный капитализм, вырастающий из классического, есть одновременно и его отрицание. Пожалуй, впервые в истории, в отличие от реального социализма и классического капитализма времен Маркса и Ленина, которые не могли уйти от проведения в жизнь либо социального равенства, либо личностной свободы, либо социальной справедливости, либо экономической эффективности, современный капитализм сближает эти крайности. Говоря политэкономическим языком, интенсивный рост современного капитализма во многом объясняется достаточно умеренным, в отличие от эпохи первоначального накопления, соответствующим нынешним экономическим реалиям отчуждением неоплаченного труда в целях накопления. Характерная черта современного капитализма заключается в нарастающем процессе **обобществления, коллективизации частной собственности**. Эта социально-экономическая тенденция вырастает из технологических тенденций современного постиндустриального производства.

Пытаясь понять природу этого процесса, диссертант приходит к выводу об исторической потенциальности и необходимости смыкания всего *нашего предшествующего некапиталистического (социалистического) пути развития с некапиталистической (постиндустриальной) стадией общественной трансформации передовых стран современного мира*. Созидающееся в нашей стране национальное государство способно возглавить это движение. Именно данное обстоятельство укрепляет в мысли о возможности в перспективе более или менее безболезненного институционального преобразования нашего общества в современный

капитализм. Иначе говоря, есть факторы в нашем предшествующем развитии, позволяющие вписаться в контекст тех структурных изменений, которые присущи высокоразвитым странам. И здесь решающую роль играет национальное государство, как фактор институциональной модернизации политической культуры постсоветского человека.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ диссертационной работы представляет собой краткое обобщение исследованного материала, а также его политико-практического значения. Здесь же даются рекомендации по дальнейшему изучению проблемы институционализации политической культуры человека.

1. Институциональное измерение политической культуры человека как методологический подход, вполне оправдывает себя. Применение институционального метода в качестве ведущего аналитического инструментария диссертационного исследования, позволило выявить фундаментальные противоречия, присущие «переходному» этапу развития современного Кыргызстана от *тоталитарно-авторитарной к либерально-демократической политической системе*. Одно дело, когда политическая культура, как объект исследовательского интереса, рассматривается изолированно, вне системной связи. Совсем другое дело, когда этот же предмет изучается в контексте системного взаимодействия. Как отдельный феномен, политическая культура позволяет выявить в своем содержании лишь *ориентационную характеристику*. Но, рассматриваемая в ориентационно-институциональной системе, политическая культура обнаруживает в себе совершенно новые *интегральные качества*. Одним из них оказывается способность выступать в роли *институционально-организационного фактора* общественно-политической системы.

2. С концептуально-теоретической точки зрения выбор в качестве предмета изучения политической культуры человека, а не общества, был предопределен возможностью связать в один узел аналитического рассмотрения, казалось бы, на поверхностный взгляд, такие совершенно несхожие явления, как личность и государство. Значимым результатом исследования, на мой взгляд, является обнаружение плоскости *«сопряжения» личностного и государственного факторов путем институционального анализа политической культуры человека*. Причем институциональный анализ включает в качестве системного звена изучение *ориентационных характеристик политической культуры человека*. Здесь же логично выстраивается противоречивая взаимосвязь традиционного и инновационного начал как основополагающих тенденций развития институциональной среды, в которой функционирует политическая культура человека.

3. Институциональное рассмотрение различных объектов познания, в том числе и политической культуры человека, выводит аналитическую рефлексию на уровень организационного видения. Такое явление, как *этнополитическая культура человека в традиционном кыргызском обществе* прошлых времен, обладало мощной консолидирующей силой

именно в институционально-организационном контексте. Поэтому оно испытывало влияние различных культурно-цивилизационных потоков. Особенно внушительным оказалось воздействие по линии *евразийско-российской цивилизации*.

4. Одной из весьма трудно разрешаемых задач на пути социально-политической трансформации постсоветских обществ остается проблема *модернизации структуры массового сознания и поведения (системы ценностей, социально-политических представлений, поведенческих ориентаций и т.п.)* Значение этой проблемы обусловлено той ролью, которую играет массовое сознание и поведение в процессе демократизации общества. Разумеется, демократические порядки могут быть установлены без массового участия, однако существовать без массовой поддержки и опоры они не в состоянии. Именно в этом смысле есть все основания говорить о том, что консолидация демократии предполагает выработку и массовое освоение демократической политической культуры, ее ценностей, норм и ориентаций. Важнейшими из таких ценностей являются сформировавшаяся институциональная среда, в которой определяющим межличностное общение становится *доверие* к демократическим учреждениям, политическое участие, а самое значимое *привычка* искать решение возникающих конфликтов с помощью компромиссных процедур, а не путем силового давления или угрозы его применения.

5. Решающим критерием в процессе *институциональной модернизации* выступает поведение слоев общества, прежде всего политического класса в кризисной ситуации. Равнодушие, инертность, равно как и уклонение от прежних соглашений, договоров и конституций, подчеркивается в диссертации, свидетельствуют о политической инфантильности общества, о поверхностном овладении современными формами и практиками политической деятельности. Поэтому, можно присоединиться к точке зрения, что нельзя, например, воспринимать центрально-азиатские «парламенты», «партии», «институт президентства», «исполнительную и судебную власть» в буквальном смысле, не видя, что они являются в определенной мере прикрытием традиционных политических отношений.

6. Проблема институциональной модернизации Кыргызстана, так же как и других центрально-азиатских государств, чрезвычайно сложна и, естественно, требует тщательных научных исследований и обсуждений. Очевидно, что в настоящее время центрально-азиатские страны подошли к такой черте в своем развитии, когда требуется осмыслить собственный опыт в контексте все более глобализирующегося мира. Настоятельной задачей становится нахождение такого исторического варианта развития, который бы вытекал из национальной специфики и, вместе с тем, способствовал ускоренной модернизации общества.

7. Существенным выводом диссертации является аналитическое положение, согласно которому удастся понять, что одним прыжком невозможно преодолеть пропасть, развернувшейся между тоталитарно-авторитарным и либерально-демократическим состоянием общества.

Противоречивость данной ситуации четко выражается в институциональных коллизиях так называемого «поведенческого вакуума» в деятельности постсоветских людей. Это явление наиболее зримо и выпукло отражается в феномене, получившем название «*двойного стандарта*».

8. Выход из существующей кризисной ситуации, по мнению диссертанта, состоит в созидании принципиально новой для нас политической системы *национально-государственного жизнеустройства*. Именно этот путь открывает перспективу консолидировать «расколотое» общество и раскрыть перед каждым человеком неизведанные творческие возможности. Таким образом, институциональная «модель» политической культуры, доминирующая в сознании и поведении людей, оказывается определяющим моментом созидательного обновления или разрушительной застойности общества. Поэтому проблема адекватного изменения параметров функционирующей в общественной жизни политической культуры, в соответствии с требованиями ускоряющегося времени и трансформирующихся условий, становится чрезвычайно актуальной особенно в стране, переживающей в своей истории состояние реформирования.

9. Теоретико-методологические выводы и обобщения, раскрывающие фундаментальную роль института политической культуры человека в жизни современного Кыргызстана, имеющиеся в диссертационной работе, являются достаточно надежным подспорьем и хорошим материалом в практике государственного управления «человеческим фактором». Результаты, полученные в ходе исследования, могут стать исходной базой для организации научно-идеологических и идейно-политических работ. Желательно использование выводов диссертации в вузовской практике при разработке и чтении курсов лекций по проблемам истории и теории политологии, государственного управления и международных отношений, а также политической культуры.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВАМ.

Итоги, выполненной в диссертационном исследовании работы, можно обобщить в следующих пунктах.

Во-первых, исходя из материала 1 главы, институциональное измерение, как метод изучения политической культуры человека, примененный к анализу конкретно-исторической ситуации Кыргызстана, ныне пребывающего в состоянии «переходного» периода своей истории, доказывает свои познавательные возможности. Установленная в диссертационной работе цель: обнаружить существенные черты, присущие процессу институционализации политической культуры человека в советский и постсоветский периоды развития Кыргызстана, оказалась вполне достижимой. При этом, конструктивную роль сыграло четкое методологическое разграничение и объединение ориентирующих и институционализирующих потенциалов политической культуры человека.

Перевод потенциального в актуальное состояние представлял в данном случае достаточно сложную аналитическую задачу.

Во-вторых, основываясь на 2 главе в диссертационной работе, был осуществлен анализ *институциональной среды*, обеспечивающей жизнедеятельность тех политических структур, которые, находясь во взаимосвязи с окружающим миром, вносят изменения в данную же институциональную среду. Эта институциональная среда рассматривается здесь в качестве специфической почвы, в которой произрастают институциональные организмы. Среда является неким сплавом *хаоса и порядка*. Иначе говоря, она представляет соединение системных и несистемных компонентов. И поскольку в индивидуальной деятельности постоянно проявляются в единстве тенденции необходимого и случайного характера, постольку политическая культура человека сочетает в своих институциональных чертах традиционные и инновационные свойства. В этой связи, отмечается в работе, речь должна вестись об институциональной способности политической культуры человека сочетать рутинные и творческие начала деятельности.

В-третьих, раскрывая суть тоталитарной природы социалистической институционализации в 3 главе, исследование шло в направлении выяснения роли в данном процессе такого рычага воздействия, как *власть*. Трагедия состоит в том, что в советской политической системе она превратилась *во все*, а все остальное, *в ничто*. Власть стала не средством преобразования реальности, а целью, с которой реальность согласует свои действия. Именно по этой концептуальной схеме общество столкнулось с таким явлением, как «деспотизм государства». Соответственно, как анализируется в диссертационной работе, через призму специфического взаимодействия личностного и государственного начал наглядным образом раскрывается механизм институционализации политической культуры советского человека. Именно поэтому стержневым принципом политической культуры советского человека могли быть такие нормы сознания и поведения, как «подданничество», «принуждение», «страх». Институциональное значение этих норм политической культуры человека становится понятным хотя бы по одному из трагических примеров, свидетельствующих о неожиданных разворотах истории. Советский человек в своей подавляющей массе воспринял внезапный слом своей страны СССР с достаточным хладнокровием и безразличием.

В-четвертых, отталкиваясь от содержательных характеристик 4 главы, необходимо выделить следующее. Когда говорят, что понять суть, это половина дела, то «глаголят» истину. В настоящее время постсоветские люди избавились от иллюзий, что экономику подобно часам достаточно перевести в рыночное состояние, как все заработает, а политическую систему изменить, организуя новые государственные и управленческие структуры, по внешности такие же, как западные, так все изменится. Оказалось, нельзя забывать о *механизме* неоднозначной взаимосвязи *институционального и человеческого факторов*. Именно поэтому говорят, что рынок и демократия,

это не просто формальные организации, а культура, психология человеческих взаимоотношений. В диссертации эта мысль является сквозной. Процесс институционализации любых явлений, в том числе и политической культуры, результативен, если носит не формальный, а содержательный характер. Иначе говоря, институциональный анализ политической культуры постсоветского человека оказывается продуктивным лишь в контексте синтеза организационного и человеческого факторов.

В-пятых, нынешняя ситуация в постсоветских странах, в том числе и Кыргызстане, несмотря на значительное различие в уровне социально-экономического развития и функционирующих политических режимов, отличается удивительной институциональной схожестью. В диссертационной работе осуществляется анализ этой ситуации, характеризующейся нарастающей *институциональной коллизией между формальными и неформальными правилами, нормами и ценностями*. «Двойные стандарты» в общественно-политической жизни и экономических отношениях выражаются углубляющимся разрывом между принятыми официальными решениями, включая законы, и реальной жизнью. Провозглашенные демократические принципы управления на практике встречают серьезные препятствия со стороны административно-бюрократического управления. Коренное преобразование институциональных основ политической культуры является необходимым условием взаимосочетания личностного и государственного начал.

В-шестых, рассматриваемая в этой же главе концепция национального государства апробирована на историческом опыте, прежде всего, европейских стран. Кыргызстан находится лишь в начале пути по созиданию этого типа государственного устройства. В диссертации стержневой идеей является тезис, согласно которому широкая действенная программа строительства национального государства, преобразуя жизненные реалии, позволит динамично изменяться и политической культуре постсоветского человека. Речь идет о политической культуре «гражданственности», соционормативной культуре «интереса», морально-психологической культуре «законности». Почему это возможно? В работе этот переход рассматривается через призму не формального, а содержательного обновления институциональных оснований политической культуры человека.

В-седьмых, отмечаемая внутренняя социально-экономическая, идейно-политическая и нравственно-психологическая «расколотость» общества, как это ни печально, порожденная процессом перехода от *института государственной собственности к институту частной собственности*, является сильнейшим «шоковым ожогом» для общества и человека. Лишь определившись с перспективой, в которой согласуются интересы миллионов наших сограждан, доказывается в исследовании, мы сможем, не шарахаясь из стороны в сторону, не падая «в закоулках», обрести свой оптимистический путь созидания политической демократии и рыночной экономики. Задача состоит в том, чтобы, наряду с другими реалиями, преобразовать политическую культуру. В свою очередь, это требует

дальнейших, серьезных разработок в области *институциональных основ политической культуры человека*. Логика дальнейших исследовательских шагов по этой проблеме должна определяться необходимостью органичного соединения в аналитическом поиске двух институциональных факторов: личностного и государственного начал общественной жизни. Создание в практике соответствующего *механизма* взаимосочетания государственного и личностного начал и есть, выход в созидательное пространство жизни. Демократическое преобразование политической культуры человека является в данном случае стержневым условием институциональной модернизации как личностной, так и государственной «составляющей» общественной жизни современного Кыргызстана.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИОННОЙ РАБОТЫ ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ АВТОРА

1. Книги:

1.1. Опыт Европы Кыргызстану. Книга для создающих государство. (в соавторстве-Гарин А.Б., Кубаев Б.Х., Омаров М.Н.) - Бишкек: Полиглот, 1997. - 74 с.

1.2. Кыргызстан. Политическая культура. Человек и государство. Бишкек: КРСУ, 2002.- 476 с.

2. Статьи:

2.3. Соотношение традиций и инноваций в формировании интернационалистического типа личности. // Известия АН Киргизской ССР. - 1988.- № 1. - С. 18-25.

2.4. Критика буржуазных концепций о «восточной специфике» национальных отношений в Средней Азии и Казахстане. // Сб. Критика буржуазных фальсификаций современной действительности Советского Киргизстана. (в соавторстве - Сушаню М.Я.)Фрунзе: Илим, 1988.- С.153-178.

2.5. Можно ли восстановить связь времен? // Литературный Киргизстан.- 1990.- № 3.- С. 14-36.

2.6. Политическая культура современного Кыргызстана: от авторитарной к демократической системе. // Вестник КГНУ.- 1995.- Серия «Общественные науки».- Вып. № 3.- С. 155-162.

2.7. Институт президентства и политическая культура в странах Центральной Азии. // Наука и техника. - 1996.- № 1.- С. 92-95.

2.8. О роли этнополитической культуры конфуцианства и ислама в подъеме экономики стран Юго-Восточной Азии. // Наука и новые технологии. - 1997.- № 3. - С.119-128.

2.9. Человеческий фактор в «переходной» экономике (к методологии сравнительного изучения трансформационных процессов в Кыргызстане и других странах. // Материалы конференции «Управление государственным сектором в целях развития в переходный и постпереходный период в Кыргызстане».- Бишкек: Проект ПРООН/ЮНОПС, 1997. - С. 324-330.

2.10. О принципах изучения политической культуры личности (к вопросу о духовных правах человека). // Проблемы методики и методологии преподавания курсов «Права человека и демократия», «Политология». Материалы международного семинара преподавателей политологии 23-24 марта и 10 апреля 1997 г.- Бишкек: КГНУ, 1997.- С. 72-78.

2.11. О методологическом аспекте изучения политической культуры личности.// Современность: философские и правовые проблемы. Материалы республиканской научно-теоретической конференции 9 июня 1997 г. Бишкек: Ред.- изд. «Совет» Ин-та философии и права НАН КР, 1997. - С. 132-140.

2.12. О политической культуре в Центральной Азии: тенденции к демократизации. // Сб. Демократические процессы в Центральной Азии: опыт и перспективы. Бишкек: МУК, 1998. - С. 37-44.

2.13. Политическая культура в Кыргызстане: тенденции к демократизации. // Исследование Гималаев и Центральной Азии (на англ.яз.). Индия, Нью-Дели, 1998.- Т.2.- № 3-4.- С.111-122.

2.14. Опыт интеграции стран Восточной Азии для центрально-азиатских государств (социокультурный аспект) // Материалы II Центрально-азиатской научно-практической конференции: «Экономическое сотрудничество в Центральной Азии: возможности, формы и механизмы реализации. 2-3 июня 1998. Бишкек: АфеКо, 1998.- С. 51-56.

2.15. О методологии познания человека. // Социальные и гуманитарные науки.- 1998.- № 1-2.- С. 37-42.

2.16. Проблема политической культуры личности в древнем Китае и античной Греции (методологический и сравнительный анализ). // Современные технологии образования в высшей школе. Сборник научных докладов юбилейной международной научной конференции. Бишкек: ИИМОП КГНУ, 1999. - С. 275-288.

2.17. О роли политической культуры в становлении Национального государства и гражданского общества в Центральной Азии (по материалам Кыргызстана). // Становление гражданского общества в странах Центральной Азии. Алматы: Компьютерно-издательский центр, 1999.- С. 155-167.

2.18. Цивилизационно-культурологические факторы толерантности сознания и поведения народов Центральной Азии.// Центральная Азия и культура мира.- Специальный выпуск, посвященный международному форуму «Культура и религия в Центральной Азии».- Бишкек: КРСУ. - 1999.- № 1 (7). - С. 33-34.

2.19. Стабильность в Кыргызстане и региональные проблемы.// Материалы круглого стола «Стабильность в Кыргызстане и региональные проблемы». - Бишкек: Алтын-Казык, 1999. - С. 119-134.

2.20. Исторические «модели» политической и соционормативной культур. // Политика и общество.- (Бишкек) - 2000.- № 1. - С. 21-33.

2.21. Человек в политической культуре и политическая культура в человеке: специфика аналитических подходов. // Социальные и гуманитарные науки. (Приложение к ж-лу «Наука и новые технологии»)- (Бишкек). - 2000.- № 1-2. - С.3-9.

2.22. Коллективизм и индивидуализм как факторы развития политической культуры. // Политика и общество.- 2001.- № 1(2).- С.126-139.

2.23. Системно-сравнительный анализ политической культуры человека. // Социальные и гуманитарные науки.- 2001.- № 1.- С.3-11.

2.24. Взаимосвязь государства и общества: политико-культурологическое видение. // Социальные и гуманитарные науки.- 2001.- № 1-2. - С. 25-31.

2.25. Современный Кыргызстан на пути становления национальной государственности. // Сб. Материалы международной научно- практической конференции: Правовые и экономические проблемы государства в переходный период. (в соавторстве Момунов Н.Т.).- Бишкек: ИППК КНУ, 2003.- С. 116-125.

2.26. Политическая культура и модернизационный процесс в государствах Центральной Азии. (в соавторстве А.Наскеева) // Центральная Азия и Кавказ.- Швеция.- Центр социально- политических исследований. - 2004.-№ 1(2). - С. 7-15.

2. 27. Современный Кыргызстан на пути становления института национальной государственности. // Ex Oriente Lux. Сб. научных трудов факультета. международных отношений КРСУ.-Выпуск III. - Бишкек: 2005.- С. 76-85.

2.28.Центральная Азия: национальное государство и политическая культура (институциональные изменения). (в соавторстве Донобаева Г) // Ex Oriente Lux. Сборник научных трудов факультета. международных отношений КРСУ. Выпуск III. - Бишкек: 2005.- С. 113-128.

2.29. Роль конфуцианской этико-политической культуры в преобразовании общественных институтов (системный подход) // «Цивилизации человечества история и современность (Материалы международной научной конференции.- 5-9 июля 2005г.) - Ч. I. - Алматы: Ун-тет «Кайнар». - ТОО «Алла прима». - 2005.- С. 65-80.

2.30. Институт политической культуры человека в контексте взаимодействия общества и государства.// Вестник Кыргызско- Российского Славянского университета. - Бишкек.- 2002.- № 3.- С.3-13.

Саясий институттар, этносаясий конфликтология, улуттук жана саясий процесстер менен технологиялар адистиги боюнча 23.00.02 - саясий илиминин доктору илимин даражасын алуу учун А. Донобаевдын «Адамдын саясий маданиятына институционалдык анализ (Кыргызстандын совет доорундагы жана аядан кийинки мезгилиндеги тажрыйбасы)» деген темада жазылган диссертациясына

РЕЗЮМЕ

Негизги терминдер: саясий маданият, коомдун саясий маданияты, адамдын саясий маданияты, институционалдык анализ, саясий институт, институционалдашуу, институционалдык жаңылануу.

Диссертацияда адамдын саясий маданиятына институционалдык анализ Кыргызстандын совет доорундагы жана андан кийинки мезгилдеги өнүгүүсүн чагылдырган конкреттүү тарыхый материалдын негизинде жүзөгө ашырылат.

Институционалдык анализ адамдын саясий маданиятынын институционалдашуу процессин иликтөөгө карата *ишмер* ыкманы колдонуу менен жүргүзүлөт. Институционалдашуунун өзгөчө (спецификалуу) фактору катары инсандык жана мамлекеттик, салтуу жана жаңычыл негиздердин карым-катышта болуусунун концептуалдык ролу ачык көрсөтүлөт. Маселенин маңызы азыркы шартта, КМШга кирген башка өлкөлөрдөгүдөй эле, Кыргызстанда да өзгөрүлүп бараткан жашоонун инновациялык мазмуну дагы эле таасири күчтүү болгон салтуу маданияттын ченемдерине ылайык четке сүрүлүп, анын сырткы көрүнүшү гана кабылданып жаткандыгында. Саясий маданияттын институционалдашуусу жаңычыл формада жүргөнү менен, мазмуну салтуу бойдон кала берүүдө.

Изилдөө ишинде советтик адамдардын саясий маданиятынын калыптануусундагы бийлик институтунун ролун ачык көрсөтүүгө да көңүл бөлүнгөн. СССРдеги жеке менчиктин «институт катары жоюлушунун» жана, тескерисинче, совет доору аяктагандан кийинки шартта «кайра институционалдашуусунун» мүнөзү аныкталат. Кыргызстандагы «букаралык» саясий маданиятынын институционалдык «үлгүсүнөн» («моделинен») саясий маданияттын «жарандык» институционалдык «үлгүсүнө» өтүшүнө алып келген конкреттүү тарыхый өбөлгөлөрү жана бул процессте байланыштуу коомдун инсандык жана мамлекеттик структурасындагы типологиялык өзгөрүүлөргө мүнөздөмө берилет. Институционалдык жаңылануунун, тактап айтканда, тоталитардык-авторитардык, империялык-державалык системалар либералдык-демократиялык, улуттук-мамлекеттик системалар ортосунда келип чыгуучу татаал мамилелердин карама-каршылыктуу маңызы ачып көрсөтүлөт. Совет доорунан кийинки мезгилдеги адамдын либералдык-демократиялык маданиятынын калыптануусунун жана өнүгүүсүнүн шарты катары улуттук мамлекеттин өнүгүшүнүн тарыхый зарылдыгы далилденет.

РЕЗЮМЕ

Дононбаев А. «Институциональный анализ политической культуры человека (советский и постсоветский опыт Кыргызстана)» на соискание ученой степени доктора политических наук по специальности 23.00.02. – политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии.

Ключевые термины: политическая культура, политическая культура общества, политическая культура человека, институциональный анализ, политический институт, институционализация, институциональная модернизация.

В диссертации институциональный анализ политической культуры человека осуществляется на базе конкретно-исторического материала, освещающего развитие Кыргызстана в советский и постсоветский периоды.

Институциональный анализ предстает как применение *деятельностного* подхода в изучении процессов институционализации политической культуры человека. Раскрывается концептуальная роль способа взаимодействия личностного и государственного, традиционного и инновационного начал как специфического фактора институционализации. Суть проблемы выражается в том, что в нынешних условиях, как в Кыргызстане, так и в других странах СНГ, инновационное содержание преобразующейся жизни отторгается в соответствии с нормами все еще действующей традиционной политической культуры и воспринимается лишь его видимая оболочка. Институционализация политической культуры развертывается по инновационной форме, а наполняется традиционным содержанием.

Уделяется внимание объяснению роли института власти в становлении политической культуры советского человека. Определяется характер «деинституционализации» частной собственности в СССР, и напротив, ее «реинституционализации» в постсоветских условиях. Выявляются конкретно-исторические предпосылки, ведущие к переходу в Кыргызстане от институциональной «модели» политической культуры "подданничества" к институциональной «модели» политической культуры "гражданственности" и связанные с данным процессом типологические изменения в личностной и государственной структуре общества. Рассматривается противоречивая сущность институциональной модернизации и возникающих коллизий между тоталитарно-авторитарной, имперско-державной и либерально-демократической, национально-государственными политическими системами. Доказывается историческая необходимость становления национального государства как фактора формирования и развития либерально-демократической культуры постсоветского человека.

RESUME

Dononbaev A. «Institutional analysis of human political culture (soviet and post soviet experience of Kyrgyzstan)» on competition of a scientific degree of the doctor of political sciences on a specialty 23.00.02. – political institution, ethno-political conflictology, national and political processes and technologies.

Key terms: political culture, political culture of society, political culture of a man, institutional analysis, political institution, institutionalization, institutional modernization.

The dissertation is written on the basis of concrete-historical material updating the development of Kyrgyzstan in soviet and post soviet periods.

Institutional analysis is presented as an adoption of the research of human political culture processes. Conception role of the interaction way of individual and state, traditional and innovational beginnings is revealed as a specific factor of institutionalization. The essence of the problem is expressed in that, current conditions, in Kyrgyzstan as well as in other CIS countries, innovational content of improving life is being rejected in accordance with the norm of still acting traditional political culture. Only its apparent surface is being comprehended. The institutionalization of political culture is developing according to innovational form and is filled with traditional content.

The attention is paid to the discovering the role of the power institution in formation of political culture of a soviet man. The character of «deinstitutionalization» of private property in USSR, and on the contrary, its «reinstitutionalization» in post soviet conditions is also defined. The dissertation clarifies concrete-historical prerequisites, leading to the transition of Kyrgyzstan from institutional «model» of political culture's «subjectivity» to institutional «model» of political culture's «civic spicity» and connected with this process, typological changes in individual and state structure of society. The controversial essence of institutional modernization and appearing collisions between totalitarian-authoritarian, imperial-powerful to liberal-democratic, national-state political systems is revealed. The work proves historical necessity of national state formation as a factor of formation and development of liberal-democratic culture of post soviet man.